

Виктор Алеветдинов

ТРУДОВОЙ ПОТОК

— РЕСПУБЛИКА ДОСТУПА —

— КНИГА 2 —

— НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР —

18+

Виктор Алеветдинов

Трудовой поток

<https://litres.ru/74267014>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если единственный способ вернуть дочери право учиться — согласиться на работу, которая может навсегда определить её будущее?

Илья Корд — курьер-ремонтник Нижних Секторов. После очередной аварийной смены система замораживает образовательный маршрут его дочери Милы и откладывает лечение матери. Выход появляется сразу: за восемнадцать часов Илья должен доставить модуль С-2 в Центральный узел.

Чёрный контейнер открывает закрытые двери, уменьшает семейный долг и обещает вернуть Миле место в программе. Но чем дальше идёт маршрут, тем яснее становится: внутри находится не только расписание критических смен. Модуль связывает труд, долги и судьбы детей, а отказ Ильи способен оставить город без людей там, где остановка означает смерть.

Сможет ли он спасти семью, не купив её будущее чужим трудом?

«Трудовой Поток» — вторая книга серии «Республика Доступа»: напряжённая социальная фантастика о цене работы,

свободе выбора и системе, которая называет принуждение заботой.

Содержание

Часть 1. Доставка как шанс	5
Глава 1. Последний подъём	5
Глава 2. Окно Милы	17
Глава 3. Смена без отказа	29
Глава 4. Контейнер С-2	42
Глава 5. Цена маршрута	54
Глава 6. Закрытый коридор	67
Глава 7. Скидка за задержание	80
Глава 8. Первая погоня	91
Глава 9. Старое ребро	104
Глава 10. Чужая работа	117
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Виктор Алеветдинов

Трудовой поток

Часть 1. Доставка как шанс

Глава 1. Последний подъём

14:00–14:25

В 14:00 Илья поставил ремонтный кейс у раскрытой двери шахты и сразу услышал скрежет тормоза. Кабина «Ребра-7» висела ниже площадки на полтора уровня. Аварийная лампа освещала направляющую, край крыши и две пары пальцев, вцепившихся в решётку изнутри.

— Корд, ты один? — спросил старший грузчик.

— Пока да. Контейнер закреплён?

— Двумя ремнями. Нижний ремень натянуло сильнее. Если кабина пойдёт, раму может сорвать.

Илья присел у порога и посветил вниз. Кабина стояла с перекосом: правая ловушка прижалась к направляющей, левая не дошла до зуба. От тормозного узла поднимался жар. Запах перегретой накладки доходил до площадки. На браслете открылся аварийный канал.

«Объект: грузовой лифт “Ребро-7”. В кабине два работни-

ка. Груз: кислородные кассеты для распределительного узла N-9. Рекомендованное действие: ожидание сертифицированной бригады. Расчётное время прибытия — сорок две минуты».

— Сорок две, — сказал Илья.

— Кассеты должны быть наверху через двадцать, — ответил грузчик. — На девятом уже снимают резерв.

— Я не про доставку. Бригада через сорок две.

Из кабины донёсся короткий смешок. Молодой грузчик ответил:

— Тогда мы сами успеем состариться по нормативу.

Илья открыл кейс. Верхний ряд занимали штатные ключи и измеритель нагрузки. Под ними лежали вещи, которых не было в описи: старая тяга, восстановленный соленоид и две тормозные накладки от лифта другого типа. Он возил их третий месяц. Запасная деталь редко подходила точно, но основные поломки повторялись.

— Я спущусь на крышу, — сказал он. — До моей команды оставьте дверь и крепления груза как есть.

— Канал велит ждать.

— Диспетчер не висит вместе с людьми над шахтой.

Илья закрыл кейс, закрепил его на фале, защёлкнул пояс на страховочной скобе и проверил карабин. Чёрный фиксатор на левом колене мигнул жёлтым. Браслет сразу вывел предупреждение: «Нагрузка на повреждённый сустав превышает рекомендованную. Доступно прекращение задания без

немедленного штрафа».

Он закрыл сообщение. Немедленного штрафа не будет, но отказ позже снизит его надёжность и закроет хорошие смены.

Он поставил левую ногу на первую скобу. Колено отозвалось болью под чашечкой, но сустав не подвёл. Илья перенёс вес на руки, опустил ниже порога и нашёл следующую перекладину носком ботинка.

— Корд, отметь ручное вмешательство, — потребовал диспетчер. — До прибытия сертифицированной бригады доступ в шахту ограничен.

— Отмечаю аварийный осмотр. Сначала узнаю, что случилось.

— У тебя нет допуска на замену тормозного узла этой серии. Любое действие ниже площадки будет учтено.

— Тогда считайте внимательно.

Диспетчер замолчал. Илья спустился ещё на четыре скобы. Аварийная полоска освещала руки Ильи и противоположную стену шахты. Ниже начиналась темнота, в которой терялись тросы и противовес.

Крыша кабины находилась в двух метрах. Илья закрепил второй карабин за сервисную петлю, проверил натяжение и только после этого перенёс ногу на металлический лист. Кабина качнулась на несколько миллиметров. Изнутри ударили по потолку.

— Спокойно, — сказал Илья. — Это я.

— Очень успокоил, — ответил молодой грузчик. — У нас тут контейнер дышать мешает.

— Он для того и едет.

Илья лёг на бок и добрался до тормозного блока. Кожух повело от температуры. Один винт вышел легко, второй пришлось срывать коротким ключом. Фиксатор снова мигнул, теперь дважды. Он вытянул ногу, пока боль не ушла из бедра, и снял кожух.

Причина была перед ним. Катушка отпускала колодку не полностью. Накладка тёрлась о барабан на каждом подъёме, нагревалась и в конце прижала привод. Ловушка сработала от рывка, но вторая сторона застряла между положениями. Если просто дать питание, кабина могла пройти вниз до следующего зуба. Контейнер тогда ударил бы в стену.

— В кабине есть ручной упор? — спросил Илья.

Старший грузчик посветил через решётку и нашёл складной башмак. Металл заскрёб по полу.

— Есть.

— Поставь под переднее колесо контейнера. Второй ремень перекинь на левую серьгу.

— Он короткий.

— Сними петлю с задней рамы. Хода хватит.

— Если полезем, кабина качнётся.

— Поэтому делайте по одному. Сначала башмак.

Внизу задвигался металл. Илья прижал ладонь к крыше и чувствовал каждый толчок. Кабина просела ещё немного,

затем остановилась на ловушке.

— Башмак стоит, — сообщил грузчик.

— Теперь ремень.

— Готово.

— Оба к задней стенке. Руки от решётки убрали.

— Убрали.

Илья подключил сервисную пластину к порту тормозного блока и открыл журнал. В записи недельной давности стояло: «Рост времени отпуска. Рекомендована замена узла». Решение: перенести замену; основание — «неокупаемая профилактика при сохранённой пропускной способности».

Он пролистнул ниже. Та же формулировка стояла месяц назад. Ещё одна запись появилась за три месяца до этого. После каждого переноса Поток уменьшал допустимую нагрузку на бумаге, но в назначениях лифт продолжал получать тяжёлые контейнеры. Сегодняшний вес превышал последнюю служебную отметку почти на треть.

— Диспетчер, вижу три переноса замены. Подтверди журнал.

Ответ пришёл после короткой паузы. Диспетчер зачитал служебную строку:

— Журнал подтверждён. Пропускная способность объекта считалась достаточной.

— Кто согласовал перенос?

— Уровень гражданского доступа не предусматривает раскрытие сотрудника. Исполнитель аварийного вмешатель-

ства фиксируется автоматически.

Илья сделал снимок служебной пластиной и сохранил его в личный журнал. Поле копирования мигнуло серым: «Материал доступен до закрытия задания». Он не стал спорить с каналом и продублировал запись в память кейса.

Под строкой профилактики находился расчёт риска. Там учитывались остановка маршрута, стоимость кассет и падение отдачи работника после травмы. Снижения нагрузки не предлагалось. Вероятность травмы стояла рядом со стоимостью задержки груза.

— Корд, — позвал грузчик. — У молодого пальцы немеют. Тут жарко.

— Ещё семь минут.

— Ты уверен?

Илья посмотрел на катушку. Штатной детали у него не было. Восстановленный соленоид из кейса подходил по креплению, но разъём пришлось бы переставить со старого. Такой ремонт позволял вывести кабину на уровень и снять груз. Для постоянной работы узел всё равно требовал замены.

На браслете снова появилось предложение прекратить задание. Теперь рядом стояло: «Медицинский сигнал подтверждён. Рекомендуются передача работ сертифицированной бригаде».

Илья ещё мог подняться и дождаться штатной бригады, но резерв кислородного узла мог закончиться раньше. В журнале остались бы осмотр и формально правильный отказ от

вмешательства, а снижение надёжности появилось бы раньше объяснения. Он открыл кейс и достал восстановленную катушку.

— Ставлю временный привод, — сообщил Илья. — После подъёма лифт закрыть до полной замены.

— Замена не согласована, — ответил диспетчер.

— Тогда согласуй эвакуационный ремонт.

— Использование детали без учёта исключает гарантию оплаты.

— Кассеты тоже без гарантии поднимутся?

— Подтвердите, что принимаете расчётный риск.

Илья провёл большим пальцем по браслету и подтвердил. Поле сменило цвет.

Старый соленоид вышел вместе с потемневшей шайбой. Илья положил его на крышу, снял разъём и переставил на восстановленную катушку. Провод оказался короче на несколько сантиметров. Он развернул крепление, чтобы не натягивать жилу, и затянул гайку.

Левую ногу снова повело в сторону. Илья успел ухватиться за край кожуха. Инструмент выскользнул из ладони, ударился о крышу и покатился к шахте. Он прижал ключ ботинком у самого края.

— Что там? — спросил молодой.

— Ключ решил уйти со смены.

— Возьми пример.

— Поздно. Я уже подписался.

Грузчик засмеялся, но сразу закашлялся. Илья поднял ключ и сел, упираясь спиной в стену шахты; фиксатор стянул сустав сильнее, а на бедре задёргалась мышца.

— Корд, биомеханика показывает потерю устойчивости,
— сообщил диспетчер. — Работы следует прекратить.

— Показывает, что я сижу на крыше лифта.

— Зафиксировано отклонение походки до входа в шахту.

Илья вспомнил последние метры коридора. Он торопился и берег левую ногу. Датчик у двери успел записать шаги ещё до того, как он открыл кейс.

— Дай питание на тормозной блок в ручном режиме.

— Команда недоступна при активном медицинском предупреждении.

— Тогда аварийная кабина останется между уровнями из-за моей походки?

— Требуется подтверждение старшего оператора.

— Соединяй.

В канале появилась старшая оператор. Илья знал её по ночным ремонтам: она всегда сначала спрашивала о грузе.

— Временный привод установлен?

— Установлен. Изоляция проверена. Кабина стоит на правой ловушке.

— Люди и контейнер закреплены?

Старший грузчик подтвердил, что оба отошли к задней стенке, башмак поставлен, ремень перенесён. Оператор дождалась записи в журнале.

— Даю импульс на три секунды. Если кабина уйдёт больше чем на пять сантиметров, питание сниму.

— Давай.

Катушка щёлкнула, колодка отошла от барабана, и кабина опустилась на ширину пальца, сев обеими ловушками. Илья проверил зазор щупом.

— Ещё раз. Теперь подъёмный привод на минимуме.

— Ручной подъём увеличит время вмешательства.

— Зато не уронит контейнер.

— Принято. Приготовься.

Трос натянулся, кабина дрогнула и пошла вверх. Илья следил за колодкой, положив ладонь на механический сброс: барабан сделал один оборот, затем второй. Новая катушка отпускала без задержки, но нагретая накладка оставляла на металле тёмную полосу.

Когда край площадки приблизился, Илья велел остановить привод и закрепил кабину сервисным пальцем. Он поднялся по скобам, почти не сгибая левую ногу. На последней перекладине подтянул себя руками и выкатился на площадку плечом вперёд.

— Дверь открываю вручную, — сказал он.

— Мы уже полюбили эту кабину, — отозвался молодой грузчик. — Можно ещё посидеть?

— Сиди. Кассеты я сам понесу.

— Тогда открывай.

Илья разблокировал створку. Старший вышел первым,

придерживая молодого за локоть. Оба были бледными от жары. Контейнер остался на раме, целый, только нижний ремень врезался в защитный кожух.

На площадке ждали двое работников кислородного узла. Они подхватили тележку, проверили пломбу и сразу повезли груз по коридору.

— Подпись нужна? — спросил один на ходу.

— В журнале отметьте, что приняли без повреждений.

— Отметим. Спасибо.

Илья смотрел, как контейнер исчезает за поворотом. За благодарность деталь не оплатят, но кассеты дошли. Этого пока хватало.

Он снял временное питание, поставил блокировку и прикрепил к двери красную ремонтную пластину. На ней крупно высветилось: «Эксплуатация запрещена до замены тормозного узла». Через секунду под надписью появилась служебная строка: «Запрет требует подтверждения владельца маршрута».

— Подтверждение запросил, — сказал диспетчер. — Закрой задание.

Илья приложил браслет к панели. Система посчитала время, использованные материалы и допуск. На экране возник расчёт. Вызов был принят и закрыт, люди выведены, груз доставлен. За одиннадцать минут сверх норматива сняли часть оплаты. Стоимость неучтённой детали удержали отдельно. Последняя строка сообщала, что медицинское отклонение

исполнителя передано в семейный профиль.

Он перечитал строку дважды, но смысл не изменился.

— Почему в семейный?

— Травматический риск влияет на устойчивость общего расчёта.

— Я закончил работу.

— Завершение учтено положительно.

Сумма оплаты уменьшилась почти вдвое. Стоимость восстановленного соленоида удержали по цене нового, хотя Поток его не выдавал. Ещё часть сняли за превышение времени.

— Отправь возражение, — сказал старший грузчик, стоявший у стены с бутылкой воды. — Мы подтвердим, что без тебя кабина бы не вышла.

— Возражение задержит расчёт. Деньги нужны сегодня.

Грузчик посмотрел на чёрный фиксатор и убрал бутылку в карман. Спорить он не стал.

Илья закрыл смену. Браслет стал жёлтым на несколько секунд, затем вернул рабочий статус. Следом пришёл пересчёт доступности: дорогие аварийные заказы временно закрывались до подтверждения стабильной походки. Система предложила выход — дополнительный вызов средней категории для восстановления доверия.

До дома было двадцать минут, если грузовая линия работала без задержек. Мила ждала его к показательному уроку. Илья обещал подключиться ещё утром, до первого вызова.

Теперь он мог отказаться от следующей работы и успеть хотя бы к концу.

Он коснулся поля «принять позже», но первым на браслете открылось семейное уведомление.

«Образовательный маршрут Милы Корд пересчитан. Подготовительное окно временно заморожено в связи с изменением семейного медицинского риска».

Илья стоял у закрытого «Ребра-7», пока за дверью остывал тормоз. В 14:25 он принял дополнительный вызов.

Глава 2. Окно Милы

14:25–14:50

Илья дошёл до раздевалки сменного узла, не снимая фиксатор с колена. Боль стала тупой, но нога держала. Он поставил кейс под скамью, открыл шкафчик браслетом и развернул семейное уведомление.

На экране появилась белая карточка с зелёным знаком образовательного контура.

«Подготовительный маршрут Милы Корд временно не подтверждён в связи с изменением семейной долговой устойчивости. Учебные результаты сохранены. Повторное рассмотрение будет выполнено после стабилизации связанного профиля».

Кнопка «Сохранить спокойствие семьи» открывала советы по режиму дня. Срока пересмотра там не было.

Илья нажал «Подробности». В основаниях стояли его медицинский риск после ремонта, просрочка по жилищному микрокредиту и незавершённое лечение Тамары. Успеваемость Милы находилась в отдельном поле. Напротив неё значилось: «Соответствует требованиям».

Школа не нашла проблем в её успеваемости. Место закрыли из-за его колена.

Под основаниями была строка передачи данных. Медицинский контур зафиксировал изменение походки в 14:22,

трудовой подтвердил его через минуту, а образовательный пересчитал маршрут в 14:24. Между аварийной площадкой и школьным отказом прошло меньше двух минут. Илья открыл журнал решения, но вместо имени увидел только подразделение: «Группа семейной устойчивости, автоматическое подтверждение по правилу 8-Р». Запросить сотрудника можно было лишь через апелляцию.

На браслете мигнул семейный вызов. Мила подключилась из домашней капсулы. Она сидела у откидного стола в серой учебной рубашке. Волосы собрала в хвост, а на стене за ней закрепила схему для показательного урока. Илья узнал цветные линии грузовых маршрутов и бумажный круг, который он помогал ей вырезать.

— Ты уже видел? — спросила Мила.

— Сейчас открол.

Мила хотела знать, вернут ли её после проверки и придёт ли снова проходить тест. Илья показал учебный раздел: балл выше требуемого, оба этапа подтверждены.

— Учебных причин нет, — сказал он. — Они пересчитали семью после моего вызова.

— После лифта?

— Фиксатор записал нагрузку. Обычная проверка.

— У тебя опять болит?

— Уже прошло.

Он ответил поспешно. Мила заметила, но спорить не стала. Перед ней лежала прозрачная папка. Целый год дочь

складывала туда задания, исправляла расчёты и сохраняла отметки преподавателя. Сегодняшний урок должен был подтвердить её место в подготовительной программе. Илья обещал подключиться ещё утром.

В углу экрана время сменилось на 14:29.

— Урок через минуту. Попробуй войти. Может, школьный шлюз ещё не обновился.

Мила повернула экран. Вместо окна класса стояла надпись: «Образовательная пауза активна. Материалы будут сохранены до следующего подтверждённого периода».

С бабушкиного браслета открылась только общая трансляция. Мила могла смотреть, но её имени в списке участников не было.

— Я должна была показывать свою часть, — сказала она.

— Покажешь позже.

— После урока распределяют места. Позже будет другое задание.

Илья знал. Программа набирала детей раз в год. Мила прошла первый отбор весной, потом два собеседования и обязательный курс. Сегодня ей оставалось провести короткое объяснение перед группой.

— Я решу. Закрою дополнительный вызов, верну показатель, и маршрут пересчитают.

— Когда?

— Сегодня. Может, к вечеру.

— Ты говорил, что придёшь после подъёма.

— Я ещё могу успеть.

Мила посмотрела на его рабочую куртку и сказала:

— Урок уже начался.

В домашней капсуле раздался голос ведущей. На стене появилась сетка лиц. Окна Милы среди них не было.

Она готовилась объяснять, почему старый грузовой путь короче нового, но опаснее при перегрузе. Илья помогал с расчётом. Ей хотелось, чтобы он услышал всё объяснение, а не отдельные фразы вечером.

Илья сел на скамью и вытянул больную ногу. Фиксатор сжал сустав. Он ослабил нижний ремень так, чтобы дочь не заметила движения.

— Я не забыл. Просто лифт встал с людьми и кислородом.

— В прошлый раз была капсула с продуктами. До неё ты чинил дверь на шестом.

— Там детей не выпускали из сектора.

— Я знаю. Я каждый раз всё понимаю. Но ты снова говоришь, что это последний вызов.

Илья открыл оплату за «Ребро-7». После удержаний сумма едва покрывала дневной платёж по квартире. Рядом оставалось предложение восстановительного вызова. Если закрыть его без нарушения, медицинский риск могли вернуть в прежний диапазон.

— Сегодня всё наложилось. Я возьму одну работу и исправлю запись.

— А потом будет другая запись.

— Не будет, если я закончу нормально.

Мила убрала папку со стола.

— Ты всегда так говоришь.

Илья объяснил, что работу нельзя бросать посередине.

Мила напомнила, что не просила оставлять людей в лифте.

Она говорила о другом: после ремонта он мог прийти домой.

— И оставить окно закрытым? — спросил он.

— Оно уже закрыто.

— Поэтому я и должен работать.

Мила покачала головой и ответила:

— Я не хочу, чтобы ты снова пропал из-за моей программы.

— Я не пропадаю. Я работаю.

— Для меня тебя нет дома.

До следующего назначения оставалось несколько минут.

Илья мог снять себя с очереди и через двадцать минут быть дома. К концу урока он вошёл бы в капсулу, сел рядом с Милой и посмотрел запись, которую она уже не могла показать классу.

Школьное окно от этого не вернулось бы. Лекарство Тамары не стало бы дешевле. Платёж за жильё всё равно списали бы вечером.

Илья объяснил, что закроет вызов, найдёт диспетчера по образованию и при необходимости подаст пересмотр. Хорошие результаты Милы давали основание требовать возврата.

— Они написали причину, — сказала она.

— Долг можно уменьшить.

— А колено?

— После нормальной смены отметку снимут.

— Оно не отметка, пап.

Илья не нашёл ответа и через несколько секунд сказал:

— Мне нужно, чтобы ты не волновалась. Я знаю, что делать.

— Ты знаешь, как взять ещё одну работу.

— Иногда это одно и то же.

На обложке папки было написано: «Подготовительный проект. Мила Корд». Ниже сходились три стрелки, нарисованные фломастером.

Мила отказалась отправлять работу через общий канал. Там её приняли бы без имени и положили в архив. Она готовила проект не для архива и решила сохранить его до пересмотра. Она посмотрела прямо в камеру.

— Только не говори потом, что ты сломал ногу ради меня.

— Я ничего не сломал.

— Ты понял.

В раздевалку вошли двое работников и замолчали, заметив семейный канал. Илья взял кейс и перешёл к сушильному шкафу. После неподвижности нога плохо выдержала нагрузку. Браслет снова отметил неровный шаг.

— Мне пора, — сказал он.

— На вызов?

— Сначала разберусь с уведомлением. Позвоню, когда

узнаю срок.

— Хорошо.

Мила ответила привычно, но не улыбнулась. Илья хотел пообещать, что всё вернёт. Она завершила связь раньше.

На экране снова осталась белая карточка. Илья открыл раздел пересмотра. Ни один вариант обращения не позволял указать, что школьное решение не связано с учёбой. Ближе всего подходило «изменение семейных обстоятельств». После выбора появилась форма согласия на расширенную проверку связанных профилей. Илья задержал палец над подтверждением.

В семейном канале загорелось имя Тамары. Он принял вызов без изображения. Мать редко включала камеру вне дома: связь становилась платной после первых минут.

— Ты с Милой говорил? — спросила она.

— Только что.

— Не подавай пересмотр. Моё медицинское окно тоже ушло в уточнение.

Илья открыл медицинский раздел. Раньше напротив Тамары стояла дата контрольной процедуры. Теперь её заменяла строка: «Плановое медицинское окно временно уточняется после изменения семейной устойчивости».

Подтверждение перенесли без нового срока. Препарата у Тамары оставалось на четыре дня вместо шести: она уже уменьшила дозу.

— По схеме уменьшать нельзя, — сказал Илья.

— По схеме окно тоже должно было остаться.

Медицинский контур ссылался на тот же семейный номер, что и школа. Диагноз Тамары не изменился. Заключение врача оставалось прежним. В расчёте появились жилищная просрочка и риск травмы Ильи.

— Я подам один пересмотр на оба решения. Пусть объяснят, почему связали школу и лечение.

— Именно поэтому не подавай.

Тамара объяснила: для расчёта окна уже связаны, но апелляция превратит их в общий спор. Тогда проверяющие увидят два дорогих запроса при одном работающем профиле и отложат оба решения до ближайшего пересчёта смены. Такие случаи проходили через неё, когда она работала оператором линии.

— Значит, молчать? — спросил Илья.

— Сначала верни трудовой показатель. Потом спорь.

Под кнопкой подтверждения мелким шрифтом предупреждали, что обращение может повлиять на скорость связанных решений.

В канале слышался кашель. Тамара прикрыла микрофон, но Илья слышал, как она восстанавливает дыхание. Она находилась в аптечном узле и пыталась получить препарат раньше. Льготную упаковку не подтвердили, поэтому она купила обычную за деньги с резервного счёта.

— Там был платёж за жильё, — сказал Илья.

— Теперь нет.

Жилищный раздел уже обновился. Платёж не прошёл, микрокредит пересчитали, сумма выросла. Система предлагала снизить её двумя дополнительными вызовами до конца суток.

На экране рядом стояли две карточки. Милу отправляли в «образовательную паузу». Лечение Тамары переводили в «медицинское уточнение». За обеими формулировками находился один семейный идентификатор.

— Я закрою вызовы.

— Один. Закрой один и домой.

— Посмотрю по оплате.

— Не смотри. Ты уже хромаешь.

Илья уточнил, рассказала ли ей Мила. Тамара ответила, что слышит его дыхание, когда колено прихватывает. После каждой травмы ему назначали меньше дорогих работ, а затем штрафовали семью за нехватку денег.

За выход из принятой очереди восстановительного вызова фиксировалось «снижение готовности». Оно влияло на завтрашние заказы и срок проверки школьного маршрута.

— Ты сама сказала вернуть показатель, — напомнил Илья.

— Я сказала не подавать апелляцию. Про новую шахту я не говорила.

— Это может быть обычная доставка.

— Ты узнаёшь, обычная ли она, уже после согласия.

Илья закрыл форму просмотра. Заявление сохранилось

как черновик.

— Сначала узнаю задание. Если опасное, откажусь.

— Ты не откажешься.

— Откажусь, если цена выше оплаты.

— Ты считаешь цену без себя.

— Себя тоже считаю.

— Тогда почему каждый раз получается ноль?

Илья промолчал. В дальнем конце раздевалки включилась сушильная решётка. Рабочие у выхода обсуждали обед, но слова терялись в шуме вентиляции.

Тамара напонила, что Мила ждала его сегодня не только ради места. Дочь хотела показать собственную работу. Илья возразил, что видел проект и помогал считать нагрузку.

— Ты исправил две цифры и ушёл, — сказала Тамара.

— Потому что у тебя поднялась температура.

— И всё снова было ради нас.

В её словах не было благодарности, которой он ждал. Илья спросил:

— Ради кого мне работать?

— Работай ради нас. Только не говори, что поэтому обязан соглашаться на всё.

Браслет сообщил о предварительном назначении вибрацией. Условия оставались закрыты до проверки у начальника узла.

— Я ещё не подтвердил маршрут.

— Тогда узнай условия. Домой можно идти и до того, как

всё исправишь.

Илья посмотрел на дверь раздевалки. За ней коридор расходился в две стороны. Слева находились грузовые шлюзы. Справа начинался переход к пассажирской линии. Браслет показывал семнадцать минут до ближайшей капсулы домой. Рядом стояла сумма, которая прибавится к долгу при снятии с очереди.

— Позвоню через полчаса.

— Миле позвони.

Тамара завершила связь. Снять рабочий статус можно было двумя нажатиями. Вызов ушёл бы другому ремонтнику, а Илья успел бы домой до конца урока. Мила уже не выступила бы, но увидела бы, что отец пришёл.

Он представил вечер. Тамара делит препарат на меньшие дозы. Мила убирает проект в шкаф. На жилищном счёте появляется новая просрочка. Утром школьная карточка остаётся белой, потому что семейный расчёт не изменился. Илья выбрал рабочий режим.

Система открыла прогноз. После одного успешно закрытого вызова медицинский риск могли пересмотреть. После двух появлялась возможность досрочной проверки семейных маршрутов. Гарантий не было, но напротив каждой строки стояло зелёное поле вероятного улучшения.

Илья закрепил кейс, затянул фиксатор и пошёл к выходу. На третьем шаге колено снова отозвалось болью. Он укоротил шаг, пока браслет не перестал отмечать отклонение.

Перед дверью появилось новое сообщение. Отправителем значилась Клара Восс, начальница сменного узла.

«Корд, не подтверждайте открытое назначение. Подойдите в закрытую комнату К-4. Есть работа, которая вернёт образовательное окно Милы до утра».

Илья свернул к служебной лестнице и подтвердил, что будет через пять минут.

Глава 3. Смена без отказа

14:50–15:10

Илья поднялся по служебной лестнице на один уровень и остановился у двери К-4. Фиксатор держал колено жёстче обычного, поэтому последние ступени он прошёл боком, перенося вес на правую ногу. Браслет показал 14:50 и предложил подтвердить восстановительный вызов, но сообщение Клары всё ещё перекрывало кнопку.

Дверь открылась после проверки лица. За ней был короткий коридор, металлический стол и два стула, привинченных к полу. На стене висела карта грузовых уровней. Большая часть линий горела зелёным, несколько веток уже стали жёлтыми после дневной перегрузки.

Клара Восс стояла у терминала. Рабочая куртка была застёгнута до горла, волосы убраны под серую сетку. Она не спросила про лифт и не посмотрела на фиксатор.

— Закрой дверь и отключи общий канал.

Илья вошёл, поставил кейс у стола и перевёл браслет в служебный режим. Значок связи сменился на замок.

Он потребовал сначала назвать место ремонта. Клара ответила, что речь о доставке. Он напомнил: для обычного груза вызвали не того специалиста.

— Мне нужен человек, который довезёт груз, даже если официальная линия закроется.

Клара коснулась карты. На стене выделилась линия от К-4 до Центрального узла синхронизации. Она шла по новой грузовой ветке, затем через «Горло-3» уходила к внутреннему кольцу. Расчёт показывал прибытие в 16:40.

Грузом оказался ударопрочный кейс с модулем С-2: сам вычислительный блок весил около восемнадцати килограммов. Автоматическая тележка не подходила, потому что на шлюзах требовалось подтверждение живого носителя. Илья сразу отметил, что масса указана без транспортной защиты.

Илья приблизил карту. Маршрут проходил через шесть контрольных точек. В правом верхнем углу горел срок: 08:00 следующего дня.

Расчёт показывал прибытие в 16:40, но Клара объяснила большой запас до утра перегрузкой апелляций после дела Кира. Назначения проходили через несколько контуров с задержкой, а С-2 требовалось передать до запуска нового расписания. Почти восемнадцать часов отвели не на сам путь, а на возможные сбои.

Илья посмотрел на жёлтые ветки. Дневной сбой уже зацепил соседний сектор, но основная линия оставалась открытой.

— Что именно восстанавливает модуль?

— Критическое расписание.

— Это ответ для общего канала.

— Другого у меня нет.

Клара закрыла карту и открыла карточку задания. Вместо

обычной ставки на экране появился семейный расчёт Кордов.

Первая строка касалась жилья. В условиях доставки было указано: после подтверждённой передачи просрочку пересчитают, а штраф за сегодняшний платёж снимут. Сумма микрокредита уменьшалась почти до уровня прошлого месяца.

Во второй строке стояло медицинское окно Тамары. Часть доплаты за препарат снималась, а уточнение переводилось в ускоренный пересмотр.

Третья строка возвращала Миле место в подготовительной программе после утренней синхронизации и подтверждения семейной устойчивости.

Илья перечитал каждую строку. Внизу было написано, что улучшения вступают в силу только после полного закрытия доставки.

— Откуда у тебя это? — спросил он.

— Задание пришло с правом целевого поощрения. Я ввела твой профиль и увидела доступные условия.

— Ты знала про Милу до сообщения?

— Я знала, что семейное окно в пересчёте. Причину открыли после твоего входа.

— Значит, меня выбрали из-за отказа?

— Тебя выбрали из-за квалификации. Отказ делает предложение полезным для тебя.

— Полезным.

— Да.

Клара не отвела взгляд. Для неё это не было словом, которое следовало смягчить.

Илья сел и вытянул левую ногу. Фиксатор упёрся в край сиденья.

— Сколько платят без семейных условий?

Клара вывела обычную ставку. Она была высокой, но не закрывала долг. В семейном пакете сумма почти удваивалась за счёт условных списаний.

— Почему я?

— Ты ремонтник с курьерским допуском. За девять месяцев завершил сорок один аварийный вызов. Четыре раза выводил груз через ручной обход. Сегодня поднял кабину без штатной детали.

— За что с меня удержали половину оплаты.

— Расчёт смены и выбор исполнителя делают разные ветки.

— Удобно.

— Не для меня. Мне нужен груз в Центральном узле. Ты умеешь закончить работу, когда инструкция заканчивается раньше поломки.

На браслете всплыло напоминание о школьном окне Милы. Илья закрыл его.

— Если я откажусь, что будет с программой?

— То, что уже есть. Окно останется замороженным до следующего пересчёта.

— Когда он будет?

— Срок не подтверждён.

— С лечением Тамары?

— То же самое.

Клара открыла форму отказа. Штрафа за просмотр задания не было. Илья мог выйти, снять рабочий статус и поехать домой. Под кнопкой стояло предупреждение, что целевой пакет предложат другому исполнителю.

— Значит, добровольно, — сказал он.

— Разумеется.

— Я могу отказаться, а моя дочь останется без программы.

— Она уже без программы. Я предлагаю способ вернуть её.

— И если не соглашусь, хуже не станет?

— По этому заданию — нет.

Клара говорила точно. Условия не отнимали у семьи ничего нового. Они ставили рядом закрытую дверь и работу, которая могла её открыть.

Илья вернулся к карте.

Резервный маршрут назначался только после сбоя, сопровождение не предусматривалось, а транспортный паспорт открывался после принятия задания. Клара описала С-2 как автономный вычислительный модуль с пакетом синхронизации для критических смен: кислорода, насосных узлов и холодовых складов.

— Он управляет всем этим из одного кейса?

— Нет. Пакет только передаёт обновлённые связи в Центральный узел.

После дела Кира назначения запаздывали, смены выходили неполными, а груз оставался в коридорах. Если С-2 вернёт расписанию рабочую форму, ночью без него могло стать хуже.

— Почему сеть не передаёт пакет сама?

— После утечки удалённые обновления проходят ограниченную проверку. Для этого пакета требуется физический носитель, пломба и живая подпись.

— Моя подпись подтверждает содержимое?

— Только непрерывность доставки.

— Если внутри ошибка?

— За пакет отвечает трудовой контур. Ты отвечаешь за кейс и маршрут.

Клара придвинула договор, и белая строка согласия заняла середину стола. Сверху стояло название: «Доставка модуля С-2. Оперативная непрерывность».

Илья открыл полный текст. Сначала шли срок, контроль пломбы и запрет передачи груза. Затем — ответственность за питание модуля. При остановке курьер обязан был подключить резервную батарею и сообщить ближайшему узлу.

В разделе оплаты стояли три семейные строки. Пересчёт жилья действовал после прибытия груза. Медицинское уточнение Тамары обещали рассмотреть быстрее. Миле возвра-

щали программу только после «подтверждения непрерывности семейного трудового профиля».

— Вот это что значит?

Клара наклонилась к экрану.

— Семейная связность. Пакет поощрения не должен уйти семье, если доставка закрыта чужим профилем или договор передан.

— Я не собираюсь его передавать.

— Тогда пункт ничего не меняет.

— Непрерывность профиля — это моя смена?

— Твоя работа и подтверждение доставки.

Илья нажал на пояснение. Открылось определение: «Сохранение действующего трудового участия носителя и связанных совершеннолетних членов семьи до завершения условного пересчёта». Мила не была совершеннолетней. Тамара не работала по медицинскому ограничению.

— А если колено даст отказ и меня снимут?

— Пакет уйдёт на ручную проверку. Поэтому я и спрашиваю: довезёшь?

— Сегодня лифт тоже был простой доставкой.

— Сегодня ты вошёл в шахту до сертифицированной бригады и вывел двух людей. Сколько таких работ ты закончил?

— Достаточно, чтобы моя дочь потеряла окно из-за походки.

Клара выпрямилась.

— Это плохое решение расчёта. Но оно уже принято. Мне

не нравится, что травма закрывает ребёнку школу. Я не могу исправить правило. Могу дать тебе работу, после которой профиль пересчитают.

— А если правило снова сработает?

— Тогда у нас будет завершённая доставка и сохранённый маршрут. Без неё пересмотр останется обычной жалобой.

Илья посмотрел на неё внимательнее. Клара не пыталась сделать Поток добрым. Она верила, что выполненная работа обязана быть вознаграждена. Её злила ошибка расчёта, но не сама связь труда с доступом.

Эта вера была знакома Илье. Он сам жил по ней дольше, чем Мила ходила в школу.

— Ты бы взяла? — спросил он.

— Если бы умела чинить старые шлюзы и у меня была твоя способность доводить задачи до конца — да.

— С твоим коленом?

Клара посмотрела на фиксатор.

— С моим коленом я бы запросила осмотр. Но у нас нет времени, а твой допуск действует.

— Хороший ответ.

— Честный.

На стене карта обновилась. Одна жёлтая ветка стала красной. Расчёт основной линии увеличился на семь минут.

— Окно всё ещё до восьми?

— Да. Потом пакет либо войдёт в синхронизацию, либо расписание соберут без него.

— Что будет тогда?

— Начнут снимать людей с обычных работ и перебрасывать туда, где остановка опаснее. Ночью резервных бригад меньше.

— Ты говоришь, будто без меня город остановится.

— Без одного курьера не остановится. Найдут другого. Но мы потеряем время, а ты потеряешь это предложение.

Клара открыла список подходящих исполнителей. У двоих не было ремонтного допуска, остальные находились далеко.

— Значит, выбрала ты.

— Я. Пакет семейных условий рассчитан контуром.

— Ты знала, что я соглашусь?

— Я знала, что ты прочитаешь договор. Остальные подписали бы на первой строке.

Ответ ему понравился больше, чем должен был. Клара ценила его как работника.

Илья отправил Миле сообщение: «Есть вариант ускорить пересчёт. Задержусь. Позвоню после приёмки». Лучше было решить всё и принести готовое подтверждение.

— Мне нужен ограниченный договор, — сказал он.

— Что ограничить?

— Я подтверждаю маршрут, питание и пломбу. За содержимое не отвечаю. Семейные условия привязать к передаче кейса, а не к решению узла после неё.

Клара открыла форму правки.

— За содержимое ты и так не отвечаешь.

— Тогда запиши прямо.

— Центральный узел должен принять модуль. Одного прибытия мало.

— Если у них сломан шлюз, это не моя смена.

— Согласна. Пишем: доставка до приёмного контура и штатное подтверждение передачи. Если шлюз не принимает груз по причине, не связанной с носителем, условие уходит на ручной пересмотр.

— Не на отказ.

— На пересмотр. Другого права у меня нет.

Илья кивнул. Клара внесла строку и приложила ладонь к служебной пластине.

— Ещё семейная непрерывность, — сказал он. — После передачи я не обязан брать новые смены.

— Медицинское окно и школа подтверждаются только после утренней синхронизации.

— Тогда статус действует до восьми. Но без новой работы после доставки.

Клара задержалась на секунду.

— Я могу исключить обязательную занятость. Если тебя снимут по медицинской причине, пакет уйдёт на ручную проверку.

— Добавляй.

Белая строка договора стала длиннее. Теперь будущее Милы зависело от доставки, приёмки и сохранения статуса

до утра. После передачи кейса Илья не обязан был продолжать смену.

— Этого достаточно? — спросила Клара.

— Для начала.

— Начало у нас внизу. Здесь надо решить.

На экране появилась итоговая карточка: отказ не ухудшал профиль, согласие открывало служебный маршрут через грузовые уровни, а семейные улучшения оставались условными.

Было 15:07. До дома — семнадцать минут, если капсула придёт без задержки. Мила уже закончила урок, на котором её не допустили к выступлению. Тамара вернулась бы из аптечного узла с препаратом, купленным за деньги от жилья.

Он мог выйти и провести вечер рядом с ними. Утром школьное окно осталось бы закрытым, а медицинское уточнение — без срока. Клара предложила работу, которую он умел делать, с оплатой, записанной в договоре.

— Покажи ещё раз срок.

Клара вывела 08:00.

— После восьми?

— Доставка закроется без результата.

— Восемнадцать часов.

— Семнадцать часов и пятьдесят две минуты.

Илья приложил браслет к строке согласия. Терминал запросил голосовое подтверждение.

— Илья Корд. Принимаю доставку модуля С-2 на усло-

виях ограниченного согласия. Ответственность — маршрут, питание, пломба и штатная передача приёмному контуру.

Клара подтвердила свою часть. На браслете Ильи открылся временный служебный маршрут. На карте появились двери, которых раньше не было в его доступе.

Семейный расчёт обновился следом. Возле долга стояла отметка «условное снижение». Напротив Тамары появилось «ускорение после передачи». Поле Милы сменило формулировку на «восстановление возможно после синхронизации».

Илья записал договор в память кейса и поднялся со стула. Колено отозвалось болью, но фиксатор удержал ногу.

— До приёмного шлюза сорок минут, — сказала Клара.
— Основная ветка открыта.

Она разблокировала внутреннюю дверь. За ней находился приёмный шлюз, отделённый от кабинета прозрачной перегородкой. Илья ожидал увидеть небольшой защищённый кейс, который можно закрепить поверх ремонтной тележки.

За стеклом загорелась жёлтая полоса. Из грузового коридора показалась низкая рама на четырёх колёсах. Двое работников катили на ней чёрный контейнер высотой почти до пояса. Колёса прогибались на стыках пола, а один из грузчиков толкал раму плечом.

Илья посмотрел на Клару.

— Восемнадцать килограммов?

— Сам модуль.

Контейнер остановили у шлюза. Терминал добавил массу

батарей, защиты и транспортной рамы. Общий вес оказался в несколько раз больше того, что Илья собирался нести в руках.

Клара открыла дверь, и тяжёлая тележка вкатилась в комнату.

Глава 4. Контейнер С-2

15:10–15:35

Транспортная рама остановилась у жёлтой линии шлюза. Двое грузчиков отпустили поручни. Один приложил браслет к приёмной панели.

— Груз доставлен в К-4. Передача начальнику узла.

Клара подтвердила приём, но створка перед контейнером не открылась. На стекле появилась просьба назначить носителя.

— Подойди, — сказала она Илье. — Сначала привязка, потом осмотр.

Илья поставил ремонтный кейс рядом с рамой и приложил браслет к панели. Сканер проверил его рабочий профиль, запросил ладонь и сверил лицо. После короткой паузы жёлтая линия стала зелёной.

«Носитель доставки: Илья Корд. Ограниченное согласие подтверждено. До окончания передачи смена носителя запрещена».

Створка ушла в стену, и Илья потянул раму за поручень. Передние колёса легко прошли порог, но заднее стукнулось о металлический стык. Контейнер качнулся, левый угол рамы просел, однако Илья удержал груз обеими руками.

Колено приняло вес раньше фиксатора. Боль поднялась выше сустава, но быстро отпустила.

— Стойте. Раму не двигать.

Грузчики остановились. Илья поставил тормоз и опустил-ся на корточки. Левый передний фиксатор стоял под углом. Шплинт почти вышел из отверстия, его держал загнутый край.

— Ещё один стык, и рама села бы на ось.

— Её проверяли перед подачей.

— Проверяли отметку.

Илья достал пассатижи. Старый шплинт выскользнул без усилия. Один конец уже надломился возле сгиба.

— Есть запасной? — спросила Клара.

Илья открыл свой кейс и нашёл шплинт нужной толщины. Новый входил туже штатного, зато не болтался в отверстии. Он посадил его молотком и развёл концы.

Клара потребовала внести замену в паспорт, но транспортный раздел открывался только после активации. Получилось, груз приняли до полноценной проверки рамы, а ответственность оставили за складом.

— Склад её и отдал.

Клара присела рядом и осмотрела фиксатор.

— Запиши повреждение в личный журнал. Я подтверждаю.

Илья убрал старый шплинт в пакет для деталей и сохранил снимок. Поломка могла показаться мелкой. Именно поэтому её пропустили перед отправкой.

Контейнер выглядел проще, чем Илья ожидал. Чёрный ударопрочный корпус крепился к раме двумя замками. В

верхнюю панель был встроен блок питания. Под защитной крышкой находились оптические порты и старый медный разъём, который давно не ставили на новое оборудование.

— Восемнадцать килограммов, — напомнил Илья.

— Столько весит вычислительный блок. Остальное приходится на батарею и защиту.

— Скажи общий вес.

Клара открыла транспортную карточку.

Общий вес с рамой составлял пятьдесят семь килограммов. На основном маршруте ручных подъёмов не было, а резервный путь ещё не назначили. Илья проверил высоту поручня и понял, что на лестнице раму вдвоём не развернуть.

Илья проверил крепление. Поперечный ремень проходил через нижние проушины, но справа был затянут сильнее. Из-за этого контейнер стоял с перекосом.

Он ослабил ремень, выровнял корпус и снова затянул стропу.

— Пломбы не трогай, — предупредила Клара.

— Я исправляю крепление.

— На правой проушине пломба транспортного контура.

Илья нашёл серую метку возле головки болта. Рядом были закреплены пломбы трудового и медицинского контуров. На внутренней стороне крепления находилась ещё одна, белая. На ней виднелся круг с вертикальной линией. В нижней части круга оставили пустой прямоугольник.

— Эта чья?

Клара наклонилась ближе.

— Архивная проверка сборки.

— Какого архива?

— Служебного. В транспортный контроль она не входит.

— Почему тогда стоит внутри крепления?

— Чтобы вскрытие было видно.

Ответ подходил к любой пломбе. Илья сохранил её метку в журнале, но само изображение система закрывала.

— Ты собирался довести модуль, а не разобрать его в этой комнате.

— Чтобы довести, надо знать, что сломается первым.

Илья открыл транспортный раздел и схему питания. Вычислительный блок стоял на амортизаторах; независимая батарея поддерживала работу при смене линии, а резервный разъём позволял подключить ремонтную станцию.

Сведения о программном пакете оставались закрыты.

— Сколько держит батарея?

— В штатном режиме четыре часа.

— Почему внешнее питание нельзя отключать дольше девяноста секунд?

— После отключения начинается проверка целостности. Через девяноста секунд модуль потребует повторный допуск.

— Чей?

— Центрального узла.

— Получается, батарея продолжит работать, но маршрут

закроется.

— Да.

— Уже понятнее.

Клара вывела ограничения доставки. Контейнер нельзя было передать другому курьеру. Каждый контрольный шлюз требовал подтверждения носителя. Выход из согласованного коридора закрывал служебный маршрут. Повреждение пломбы переводило доставку в разбор.

— Семейные условия при разборе сохраняются? — спросил Илья.

— Если повреждение не связано с носителем.

— Кто решает, связано оно или нет?

— Комиссия транспортного контура.

— Она успеет до восьми?

Клара отвела взгляд к экрану.

— Возможно.

Илья провёл ладонью по корпусу. Вмятин не было, защитные углы держались. Из нижней решётки выходил тёплый воздух.

— Он уже включён?

— Его нельзя выключать после сборки.

— Покажи температуру.

Клара открыла служебное окно. Показатель не вышел за допустимую границу, но приближался к ней. Илья нагнулся к батарее и нашёл под решёткой кусок упаковочной ленты. Он вытянул его, освободив часть отверстий. Температу-

ра начала снижаться.

Илья провёл ладонью вдоль нижней балки и по очереди нажал на каждое колесо. Правое заднее вращалось с задержкой: в защиту набилась стружка. Он вычистил её тонкой отвёрткой, провернул колесо и только тогда снял тормоз. Пока он работал на короточках, фиксатор давил под коленом, и нога начала неметь. Илья поднялся, опираясь на раму, но не позволил Кларе помочь.

Клара внесла в паспорт три отдельные записи: заменённый шплинт, освобождённая вентиляция и очищенное колесо. Таймер доставки продолжал идти, однако она отметила, что задержка возникла до приёма носителем. Илья перечитал формулировку и подтвердил её только после того, как рядом появилось имя Клары. Теперь неисправности подтверждали не только снимки Ильи, но и служебная запись Клары.

— Упаковку не сняли полностью.

— Занесу замечание.

— Когда?

— После отправки. До выхода на линию двадцать минут.

Илья выпрямился. Колено ныло, а кожа под ремнём фиксатора онемела. Ослабить крепление он не мог. Браслет уже следил за походкой, и новое отклонение могло отправить договор на ручную проверку.

Клара активировала транспортную раму. На экране поручня появился запрос голоса носителя.

— Назови себя и подтверди приём.

Илья встал перед камерой.

— Илья Корд. Модуль С-2 принят в узле К-4. Корпус цел. Фиксатор рамы заменён до выхода. Внешнее питание подключено.

На экране появилась схема его лица. Камера опустилась к браслету и чёрному фиксатору.

«Биометрия носителя подтверждена. Медицинский риск учтён в маршруте».

— Что значит «учтён»?

— Маршрут будет избегать лестниц.

— На основной ветке их и так нет.

— Тогда ничего не изменится.

Модуль запросил ладонь. Илья приложил её к панели. Под пальцами прошла короткая вибрация. На браслете появился новый статус: «Приоритетный курьер С-2».

За дверью приёмного шлюза открылись две грузовые ветки, прежде недоступные ремонтнику его уровня.

— Теперь видишь коридор? — спросила Клара.

Илья развернул карту. Основная линия шла к «Горлу-3». Рядом появился технический участок, но он заканчивался у закрытой двери.

— Запасной путь обрывается.

— Продолжение откроют при сбое.

— Почему его нельзя показать заранее?

— Чтобы носитель не менял маршрут без команды.

— Маршрут защищают от носителя?

— Защищают груз.

Временный доступ действовал, пока С-2 находился рядом. Если Илья отходил от тележки дальше чем на пятнадцать метров, открытые двери снова закрывались.

— Если носителю станет плохо?

— Он вызывает сопровождение и ждёт решения.

— Сколько ждать?

— Срок не указан.

Илья посмотрел на Клару.

— Ты уверена, что выбрала подходящего человека?

— Подходящий человек уже нашёл плохой шплинт и перекрытую вентиляцию. Поэтому уверена.

Она сказала это спокойно. Илья почувствовал знакомое облегчение. Клара подтвердила ранее внесённые записи о заменённом шплинте и освобождённой вентиляции. Илья впервые за день увидел в журнале две записи без штрафа.

Клара открыла окно первичной активации.

— Осталось подтвердить пакет поощрения. Можешь сделать это сейчас или на первом шлюзе.

На экране появилась строка семейного идентификатора. Номер совпадал с уведомлениями Милы и Тамары.

— Зачем семейный номер нужен модулю?

— Это защита премии от передачи. Если груз повезёт другой профиль, условия не активируются.

— Передавать контейнер и так запрещено.

— Запрет относится к доставке. Семейная привязка нуж-

на для расчёта.

— Тогда оставь её в договоре. Почему номер загружается в С-2?

Клара открыла пояснение. Там значилось, что модуль должен подтвердить связанный профиль носителя до утренней синхронизации.

— Это часть условия, — сказала она.

— Ты говорила, что С-2 восстанавливает расписание.

— Это его основная функция. Семейный пакет идёт вместе с доставкой.

— Зачем расписанию имя Милы?

— Её имя туда не вносят. Номер подтверждает твоё право на поощрение.

Илья нажал строку «Техническое основание». Поле оказалось закрыто его уровнем допуска.

— Дай полный паспорт.

— У меня нет права его открыть.

— Вызови специалиста, у которого есть.

— Запрос займёт до часа. После открытия тебе придётся принять ответственность за ознакомление со служебной архитектурой.

— То есть я отвечу за то, что прочитал.

— Да.

— А сейчас везу то, чего не могу прочитать.

— За содержимое ты не отвечаешь. Мы внесли это в договор.

Илья обошёл тележку. На белой пломбе светился круг с пустым прямоугольником. Знак ничего ему не говорил, но находился там, где обычный курьер не стал бы искать.

До выхода оставалось пятнадцать минут. Основной путь был открыт. Расчёт показывал прибытие в 16:40. Даже с проверками на шлюзах запас до утра казался большим.

Полный паспорт мог прояснить связь модуля с семейным профилем. Но за время ожидания Поток нашёл бы другого носителя, а предложение для Кордов исчезло бы. Мила уже пропустила показательный урок. Тамара купила препарат за деньги, предназначенные для жилья.

— Можно отложить семейное подтверждение? — спросил Илья.

— До первого контрольного шлюза. Без него следующая дверь не откроется.

— Хорошо. Сначала проверю раму в движении.

— А запрос паспорта?

— Оставь черновиком. Если появится задержка, отправишь.

Клара кивнула. Илья понял: при задержке времени на чтение станет меньше.

Илья закрепил ремонтный кейс на задней площадке рамы. Отдельного замка для инструмента не было, поэтому он пропустил ремень через поручень и защёлкнул карабин. Запасной кабель лёг в боковой отсек. Медный переходник Илья оставил сверху, чтобы не искать его при сбое.

— Переходника нет в описи.

— Он мой.

— Неучтённое подключение может вызвать проверку.

— Без переходника старый разъём бесполезен.

Клара внесла инструмент в приложение к договору.

— Проверка движения, — сказала она. — Два метра вперёд и тормоз.

Илья снял раму со стояночного фиксатора. Электропривод помог сдвинуть тяжёлый груз. Тележка дошла до внутренней двери. Илья сжал тормоз. Колёса остановились, но контейнер подался вперёд.

— Ремень растянулся.

Он подтянул стропу ещё на одно деление. Второй тест прошёл без смещения.

Модуль принял проверку и вывел маршрут. До первого шлюза оставалось триста сорок метров. За ним начинался общий грузовой коридор. Время прибытия не изменилось — 16:40.

— Видишь? — сказала Клара. — Обычная тяжёлая доставка.

— Обычно после этого что-нибудь ломается.

— Поэтому я не говорю, что всё будет легко.

Она приложила служебную пластину к внутренней двери. Замок открылся, однако полоса на полу осталась жёлтой.

— Контроль носителя. Дальше ведёшь сам.

Илья встал за поручнем. Перед ним тянулся пустой кори-

дор с защитным бортом. Первая дверь уже показывала его новый статус. За ней находились уровни, куда раньше он входил только по аварийному вызову.

— Держи связь со мной, — сказала Клара. — Если путь изменится, сам дверь не выбирай.

— А если за разрешённой дверью окажется шахта?

— Сначала позвони.

— Сегодня я уже звонил диспетчеру из шахты.

— Теперь звони мне.

Илья подтвердил канал. Клара доверяла его рукам, но право выбора оставляла за вышестоящим уровнем. Пока маршрут работал, это почти не мешало.

Он толкнул раму к двери. Контейнер пересёк жёлтую линию, и модуль снова проверил лицо. На экране поручня появились семейный номер и имя Милы.

«Родственная связь подтверждена. Семейное подтверждение ожидается на первом контрольном шлюзе».

Илья перечитал сообщение и посмотрел на Клару. Она уже закрывала приёмную комнату и не видела экран. На экране поручня имя Милы осталось рядом с номером пакета, пока тележка входила в грузовой коридор.

Глава 5. Цена маршрута

15:35–16:00

Первая дверь открылась после проверки лица, браслета и номера С-2. На поручне появилась новая строка:

«Участок К-4 завершён. Условное снижение семейного долга: 1,8 процента».

Илья толкнул раму дальше. Электропривод помогал на ровном полу, ремень держал контейнер, температура батареи оставалась в рабочем диапазоне.

Сумма жилищного долга уменьшилась. Рядом стояла отметка «до утреннего подтверждения», но цифры стали меньше. Грузовые двери открывались одна за другой, пропуская приоритетного курьера без ожидания.

После первого участка Илья передал Кларе состояние питания: внешняя линия держала, батарея показывала девяносто семь процентов. Она напомнила о трёх шлюзах до «Горла-3» и назвала семейное подтверждение требованием второго контрольного пункта. В карточке С-2 оно уже стояло на первом, потому что дверь К-4 считалась приёмной.

— Удобное различие.

— Сейчас всё идёт по расчёту. Не ищи поломку там, где её нет.

Он посмотрел на раму. Один фиксатор уже пришлось менять до начала пути.

— Я просто веду груз.

— Тогда веди.

После закрытия канала семейный расчёт обновился. Рядом с именем Милы появилась зелёная точка: «Предварительное восстановление маршрута — 14 процентов». Итог зависел от доставки и утренней синхронизации.

Мила ещё не получила место. Но впервые за день её окно двигалось в нужную сторону.

Илья прибавил скорость. Коридор шёл под небольшой уклон, и колено почти не беспокоило. За следующей дверью рабочие возились у открытого охлаждающего блока погрузочной капсулы.

Старший бригады поднял руку.

— Корд, стой на минуту.

Илья замедлил тележку, но не пересёк белую границу маршрута.

— Что случилось?

Рабочий показал на открытую панель капсулы. Внутри стоял пустой разъём.

Клара сообщила о сгоревшем фильтре охлаждения и попросила забрать после шлюза четырёхкилограммовую опломбированную кассету. Она предложила положить её в инструментальный отсек, но Илья сразу проверил крепление: дополнительный груз смещал центр тяжести рамы.

Илья посмотрел на С-2. Боковой отсек был занят кабелем и переходником. Кассета могла поместиться сверху, ес-

ли снять пломбу с ремня ремонтного кейса и закрепить груз отдельно.

— Следующий узел в восьми минутах, — сказал старший.

— Без фильтра капсула не выйдет на ночную загрузку.

— Передайте по грузовому каналу.

— Передали. Свободный курьер через сорок минут.

Вентилятор почти не тянул воздух, а кожух двигателя уже нагрелся.

— Отключите питание.

— Тогда очередь уйдёт другой бригаде. Вернуть её сегодня не дадут.

— Если привод сгорит, не дадут и завтра.

Старший вытер ладонь о штаны.

— Нам нужен фильтр. Ты всё равно идёшь туда.

Илья открыл ограничения С-2. Добавленный груз требовал новой пломбы рамы. Без регистрации следующий шлюз отправил бы модуль на досмотр.

Он напомнил, что везёт закрытый пакет и не вправе менять состав тележки. Клара предложила провести кассету как инструмент, но следующий шлюз всё равно увидел бы дополнительный вес.

— Это будет ложная запись.

Старший посмотрел на чёрный контейнер.

— У тебя сегодня очень правильная смена.

Илья сильнее сжал поручень: рабочего звали Сава. Два месяца назад они вместе вытаскивали погрузчик из просев-

шей направляющей. Тогда Сава отдал ему свою батарею, не спрашивая, кто оплатит заряд.

— Дай номер кассеты, — сказал Илья. — Попробую зарегистрировать.

Сава поднёс пломбу к его браслету. Система определила груз и сразу вывела отказ: «Совместная перевозка с модулем С-2 не предусмотрена. Для изменения состава требуется подтверждение начальника маршрута».

Илья вызвал Клару.

— На уровне К-4-В бригаде нужен фильтр. Могу взять кассету до следующего узла.

— Нет.

— Перенос восемь минут.

— Ты нарушишь транспортную пломбу тележки. После этого С-2 уйдёт на проверку.

— Кассета опломбирована отдельно.

— Вес рамы изменится. Следующий шлюз остановит доставку.

— Подтверди добавление.

— У меня нет такого права после активации модуля.

— Тогда запроси транспортный контур.

— Ответ до двадцати минут. За это время свободный курьер будет ближе.

Илья посмотрел на Саву.

— Двадцать минут?

Клара услышала вопрос.

— Это минимальный срок. Илья, не меняй маршрут. У тебя семейный пакет привязан к безошибочной доставке.

Одновременно на браслете вырос процент восстановления Милы. После второго участка система прибавила ещё четыре пункта.

Сава увидел зелёную строку и отвёл взгляд.

— Езжай, — сказал он.

Илья предложил оставить переходник, но без фильтра тот был бесполезен.

— Я закрою это окно и вернусь. Если курьер не придёт, сам довезу кассету.

— Ночная загрузка начнётся раньше.

— Тогда остановите привод и подайте повторный запрос.

— Мы уже подали.

За спиной Савы молодой рабочий снял перчатку и приложил пальцы к кожуху. Тут же отдернул руку.

— Температура растёт.

Сава повернулся к панели.

— Снимай питание.

— Старший, очередь уйдёт.

— Я сказал, снимай.

Вентилятор замедлился. На общем экране рядом с номером бригады появилась красная отметка: «Нарушение готовности к ночной смене». Через несколько секунд расчёт вывел замену. Их груз передали соседнему участку.

Сава прочитал сообщение и усмехнулся.

— Вот и дождались курьера.

Илья хотел сказать, что другого решения не было. Вместо этого снял стояночный тормоз.

— Отметь, что фильтр запросили до остановки. Я подтверждаю время.

— Подтверди. Может, вернут часть смены.

Тележка тронулась. Браслет сообщил, что маршрут сохранён, и снова уменьшил долг. Илья убеждал себя, что поступил правильно: кассета задержала бы его, пломба могла закрыть семейный пакет, а капсула не была аварийной.

На следующем стыке тележку повело к стене. Илья выправил её плечом, затем остановился и осмотрел ремень. После отказа помочь Сава натяжение казалось другим, хотя метки оставались на месте. Он подтянул пряжку на один зубец и ещё раз проверил пломбу. Работа заняла меньше минуты, но за это время браслет дважды напомнил о сокращении долга.

Илья вытер ладонь о куртку и заметил на ткани серый след от поручня. Сава раньше отдал ему батарею без расчёта, а сегодня остался у остановленной капсулы с грузом, который тоже считался важным. Илья не вернулся, но перестал называть отказ простой проверкой маршрута. Он записал номер капсулы в личный журнал и отправил аварийную отметку через открывшийся служебный канал.

Третий шлюз находился за поворотом. Здесь коридор сужался, и защитный борт проходил почти вплотную к колёсам. Илья снизил скорость, чтобы рама не задела стену.

Панель запросила лицо и ладонь. После проверки появился новый экран.

«Приоритетная доставка подтверждена. Временный доступ к внутренней грузовой ветке открыт».

Зелёная дверь ушла вверх. За ней начинался участок, куда обычных ремонтников пускали только с сопровождающим. Илья видел его раньше через стекло: чистый пол, исправные направляющие, запасные светильники в нишах. Здесь не приходилось угадывать, выдержит ли поручень.

Статус на браслете сменился на «приоритетный курьер». На двадцать минут ему открыли путь до «Горла-3».

Клара вышла на связь сама.

— Второй контроль пройден. Доставка идёт на девять минут быстрее расчёта.

— Бригаду на К-4-В сняли со смены.

— Я вижу отметку.

— Фильтр можно было передать через меня.

— И потерять модуль на досмотре.

— Можно было оформить исключение.

— Не за восемь минут. Поток не держит отдельного сотрудника у каждого сломанного фильтра.

— Зато держит отдельный пакет для моей семьи.

Клара не ответила сразу.

— Этот пакет нужен, чтобы квалифицированный работник согласился на сложное задание.

— То есть работает.

— Да. И это лучше, чем приказ.

Контейнер дрогнул на стыке, ремень удержал его.

— Если я могу отказаться только вместе со школой Милы, это не очень похоже на выбор.

— Ты мог не подписывать.

— Мог.

— Илья, я не придумывала твой долг. Я нашла работу, которая его уменьшит. Ты сам потребовал ограничить договор, и я согласилась. Не делай вид, что тебя привязали к раме.

Он мог развернуться и вернуться к Саве. Тогда модуль вышел бы из согласованного пути, семейный пакет ушёл на разбор, а Клара нашла бы другого носителя. Формально она была права.

— Я не делаю вид, — сказал Илья. — Просто веду груз.

— Тогда довези. После передачи у тебя будет время спорить.

Когда канал закрылся, Илья продолжил путь.

Впереди шёл пустой погрузчик. Его оператор увидел статус С-2 и прижал машину к стене. Илья прошёл первым. Раньше он сам уступал таким грузам, не зная, что находится под чёрным корпусом и почему чужая работа важнее его вызова.

На поручне появилось общее уведомление: в 08:00 начнётся синхронизация трудовых маршрутов, а с 22:00 возможны ограничения движения. Работников просили сохранять назначенные коридоры из-за «перегрузки доверия по-

сле массовых обращений граждан».

Илья закрыл уведомление. При нынешней скорости С-2 прибудет раньше пяти. Даже задержка на одном шлюзе не съедала резерв.

Он вызвал Милу, но связь установилась не сразу. В домашней капсуле дочь сидела не за столом, а убирала листы проекта в папку.

— Ты можешь говорить? — спросил Илья.

— Да.

— Я принял доставку. Она вернёт твоё окно после утренней синхронизации.

Мила застегнула папку.

— Точно?

— У меня договор. Уже идёт предварительное восстановление.

Илья повернул браслет к камере. Зелёная шкала показывала двадцать два процента.

— Это пока не место.

— После доставки будет место.

— Там написано «возможно».

— Так пишут до подтверждения.

— Ты придёшь утром?

— Конечно. Принесу запись о восстановлении.

— Во сколько?

Илья посмотрел на расчёт прибытия.

— Работа закончится раньше пяти. До дома доберусь к

шести.

— Ты говорил, что доставка простая.

— Тяжёлая тележка и несколько шлюзов.

— Колено болит?

— Фиксатор держит. Коридор ровный.

Мила поставила папку на полку. Рядом лежал бумажный круг из её проекта.

— Бабушка сказала, ты опять взял ночную смену из-за меня.

— Не ночную. Доставка закончится раньше.

— А окно вернут утром.

— Да.

— Значит, до утра ты всё равно будешь ждать?

— Нет. После передачи свободен.

По договору после передачи он мог ехать домой, сохранив служебный статус до утра.

— Я хочу, чтобы ты пришёл, даже если окно не вернут.

— Вернут.

— Ты опять отвечаешь не на то.

Илья замедлил тележку. Позади приближался грузовой модуль, и ему пришлось прижаться к борту.

— Я приду.

— Утром?

— Утром.

— Без нового вызова?

— Без нового.

— Запиши это.

— Что?

— Что после доставки не возьмёшь другую работу.

— Хорошо. Записываю: после С-2 еду домой.

— И если моё окно останется закрытым?

— Тогда будем разбираться вместе.

— Не ещё одной сменой?

Он увидел впереди мигающую дверь. До шлюза оставалось меньше минуты.

— Сначала проверим решение.

— Пап.

— Не возьму новый вызов до дома. Договорились?

Мила кивнула.

— Я сохранила сообщение.

— Правильно.

— Ты сам учил хранить подтверждения.

— Хоть чему-то полезному я тебя научил.

Улыбка быстро исчезла.

— Береги ногу.

— Берегу.

— Это тоже запишу.

Связь завершилась. На экране осталось обещание, отправленное текстом: «После передачи С-2 еду домой. Новый вызов не принимаю».

Илья закрепил сообщение в семейном канале.

Когда тележка подошла к шлюзу, панель запросила семей-

ное подтверждение. На экране появились имя Милы и её образовательный идентификатор.

«Подтвердите использование семейного пакета для восстановления маршрута связанного ребёнка».

Илья положил ладонь на сканер.

— Илья Корд. Подтверждаю семейный пакет для Милы Корд.

Шлюз принял голос. Зелёная шкала на браслете выросла до тридцати одного процента. Жилищный долг уменьшился ещё на несколько единиц.

Дверь открылась.

За ней начинался длинный спуск к «Горлу-3». Уклон был небольшим, но тележка стала тянуть вперёд. Илья включил ограничитель скорости. Тормоз держал, однако поручень передавал в руки постоянное давление.

На середине спуска Илья увидел у стены кассету охлаждения с номером бригады Савы. Курьер ждал встречного подъёмника.

Курьер посмотрел на приоритетный статус Ильи и отодвинул кассету с линии.

— Проходи. У тебя первый класс.

— Давно ждёшь подъёмник?

— Шесть минут. Ещё четыре по расчёту.

Если бы Илья взял кассету, она уже была бы на узле. Вместо восьми минут задержка стала почти двадцатую.

— Передай, что запрос был срочный.

— У меня в карточке обычная доставка.

— Поставь фактическое время получения.

— Это изменит мою норму.

Курьер отвёл взгляд к контейнеру С-2.

— У тебя же всё по факту?

Илья ничего не ответил. Тележка тянула вниз, а ограничитель сдерживал скорость. Он отпустил тормоз, и тяжёлая рама снова набрала скорость.

У входа в «Горло-3» общий экран повторил предупреждение о ночной синхронизации. На карте три ветки стали жёлтыми. Основной путь С-2 оставался зелёным, а расчёт прибытия держался на 16:40.

Клара прислала короткое сообщение: «Маршрут стабилен. Резерв до окна достаточный».

Илья подтвердил. Колено болело меньше, чем в шахте, двери открывались заранее, долг уменьшался после каждого участка.

В 15:59 тележка пересекла границу «Горла-3». На поручне появился расчёт следующего отрезка.

Сначала время прибытия осталось прежним. Затем карта погасла, три грузовые двери впереди закрылись одновременно. Зелёная линия исчезла, и новый расчёт вывел: «Прибытие — 06:55».

Глава 6. Закрытый коридор

16:00–16:25

Три двери закрылись почти одновременно. Первая опустилась в конце спуска, вторая перекрыла боковую ветку, третья встала за тележкой и отрезала путь назад. На поручне погас зелёный маршрут. Вместо него появилась серая схема «Горла-3» и новое время прибытия — 06:55.

Илья поставил тележку на тормоз. Рама качнулась, но ремни удержали контейнер. Поле Милы осталось на тридцати одном проценте и сменило подпись: «Продвижение приостановлено до восстановления маршрута».

Он сообщил Кларе, что механические замки закрыли все выходы. Она велела оставить тележку на месте: началось переназначение маршрута.

Он открыл служебную схему. Перед «Горлом-3» встали четыре грузовые капсулы. Ещё две остановились на нижнем уровне. Их отметки мигали жёлтым, но общий канал молчал.

Новый расчёт сдвинул прибытие к семи утра. Клара объяснила задержку синхронизационной перегрузкой: основной коридор сняли с работы, а срок восстановления не определили. Временный маршрут Ильи действовал ещё двадцать минут, и продлить его могли только после переназначения.

— Кто подтвердит продление?

Клара не ответила сразу. На фоне слышались чужие голо-

са и сигналы терминалов.

— Я отправила запрос начальнику грузового контура. Пока стой на месте и не подключайся к местной панели.

Илья посмотрел на экран поручня. До отключения внешней линии оставалось три часа сорок минут. Батарея держала заряд, но маршрут мог потребовать ручной перегрузки или ожидания в зоне без питания. Он открыл технический раздел и увидел, что резервный путь всё ещё скрыт.

Он запросил выход к сервисной площадке. Клара могла открыть скрытый коридор только после решения диспетчера. Если временный допуск закончится раньше, шлюз оставит тележку и носителя внутри защищённого участка.

— Значит, я останусь здесь вместе с модулем.

Илья провёл ладонью по поручню.

Из соседней капсулы донёсся удар. Потом ещё один. Илья повернул голову. Капсула стояла за мутной перегородкой на параллельной линии. Внутренний свет мигал. За стеклом двигались люди.

— Клара, в соседней капсуле рабочие.

— Вижу шесть профилей. У них связь с диспетчером.

Один из рабочих застучал ладонью по стеклу. Второй показал вниз, туда, где за стенкой кабины находился грузовой отсек.

— Они показывают на контейнер.

— Не подходи, — сказала Клара. — Аварийная бригада уже назначена.

На общей схеме появилась красная отметка. Сначала она стояла над соседней капсулой, затем переместилась к С-2.

Клара сообщила, что аварийная бригада направлена к Илье: в общем журнале остановка приоритетного С-2 выглядит неисправностью. Сам модуль оставался цел, тогда как в соседней капсуле люди подавали сигналы через стекло.

— Их капсула закреплена. Жди.

Илья посмотрел на перекошенную раму за перегородкой и оставил тележку на тормозе.

Он снял тормоз и сдвинул тележку ближе к перегородке. Маршрут сразу выдал предупреждение: «Отклонение от оси доставки — два метра». Он остановился, не выходя за белую полосу.

Через стекло стало видно грузовой отсек. Металлический контейнер сдвинулся и прижал мужчину к боковой стенке. Двое пытались оттолкнуть его, но пол капсулы стоял под наклоном. При каждом движении рама снова сползала к зажатому рабочему.

Илья включил внешний канал.

— Капсула три, слышите меня?

Ответ пришёл с помехой.

— Слышим. Привод встал. Фиксатор груза сорвало.

— У пострадавшего дыхание есть?

— Есть, но контейнер прижал бедро. Нога под рамой.

— Ручной стопор нашли?

— Рычаг не идёт. Питание снялось.

Илья посмотрел на панель у перегородки. Крышка держалась на двух винтах. Между ней и капсулой шла старая силовая линия.

— Клара, им нужно питание на привод пола. Я могу дать импульс с местной шины.

— Запрещаю. Панель не входит в твой маршрут.

— Аварийная бригада идёт к исправному контейнеру.

— Я перенаправляю её. Жди подтверждения.

На схеме красная отметка осталась возле С-2. Время прибытия бригады показывало девять минут.

— У зажатого может не быть девяти минут.

— Ты этого не знаешь.

— Я вижу, что рама стоит на ноге.

Клара понизила голос.

— Илья, если ты вскрыешь местную панель, точное положение С-2 появится в общем журнале. Сейчас его маршрут видим только мы и центральный узел.

— Кто закрыл коридор?

— Перегрузка синхронизации.

— Это не ответ.

— Другого пока нет. Не выходи из протокола.

Илья вспомнил Саву и кассету, которую отказался взять. Тогда он объяснил себе, что капсула могла ждать. Сейчас мужчина за стеклом уже не мог ждать без последствий.

— Капсула три, найдите аварийный клин, — сказал он. — Он должен быть под левым сиденьем.

— Нашли.

— Поставьте перед задним колесом рамы. Не тяните контейнер, пока не подам питание.

— Понял.

Илья поставил С-2 на полный тормоз и закрепил передние колёса складными башмаками. Потом снял с ремонтного кейса сервисную пластину.

Затем он сообщил Кларе, что откроет панель. Илья потребовал сохранить в журнале номер капсулы, сведения о зажатом рабочем и передачу аварийного приоритета модулю С-2. Клара подтвердила запись, но запретила вмешательство.

— Стой на месте. Это прямое распоряжение.

Он опустился перед панелью и сорвал первый винт. Вторым заржавел в резьбе. Пришлось надавить сильнее, и колёно сразу отозвалось болью.

— Я не бросаю модуль. Тележка в трёх метрах.

— Ты меня слышишь?

— Слышу.

Винт вышел вместе с крошкой ржавчины. Илья снял крышку. За ней находилась шина старого типа. Два контакта потемнели, но линия капсулы оставалась целой.

Клара замолчала. Через несколько секунд на браслете Илья появилась служебная отметка: «Несогласованное вмешательство носителя. Защита маршрута приостановлена».

Илья подключил пластину и подтвердил идентификатор С-2, которым была открыта панель. На экране сразу появил-

ся адрес модуля: грузовой стык «Горло-3», сектор четыре, линия два.

— Теперь его видит весь диспетчерский журнал.

— Пусть аварийная бригада не заблудится.

— Ты не понимаешь, что сделал.

— Объясни после того, как освободим человека.

Он выбрал линию соседней капсулы. Пластина показала, что основной привод отключён из-за перепада нагрузки. Резервное питание находилось в ручном режиме.

— Капсула три, готовьте рычаг пола.

— Готовы.

— Дам питание на четыре секунды. Поднимите передний край рамы и поставьте клин глубже. Контейнер не тяните.

— Тут места мало.

— Тогда один держит рычаг, двое работают с клином. Остальные отойдите к двери.

Рабочий у стекла поднял руку.

Илья подал импульс. В открытой панели вспыхнула искра. Капсула дёрнулась, наклон грузового пола уменьшился на несколько градусов. Мужчины внутри подняли край рамы и забили клин ботинком.

— Стоп! — крикнул старший.

Илья снял питание.

Контейнер остался на клине. Зажатый мужчина смог пошевелить плечом, но нога всё ещё находилась под колесом.

— Ещё пять сантиметров, — сказал старший.

— Второй импульс будет короче. Приготовьтесь поставить ручной стопор.

— Рычаг не фиксируется.

— Удерживайте вдвоём. После остановки я сниму питание с привода.

Клара снова вышла в канал.

— Аварийная бригада переназначена. Шесть минут.

— Уже лучше.

— Прекрати вмешательство.

— Он всё ещё под рамой.

— Если привод сорвётся, пострадают все в капсуле.

— Поэтому даю короткий импульс.

— Ты не имеешь данных о тормозе.

— Я вижу ток и положение пола.

— Илья, прекрати.

После подачи питания пол медленно поднялся, и рабочие потянули раму назад. Колесо сошло с ноги мужчины, его сразу оттащили к двери. Старший опустил ручной стопор, а второй рабочий сел на рычаг всем весом.

— Нога свободна, — сообщил он. — Кожа цела. Ступить не может.

— Не поднимайте его. Пусть лежит. Перетяните выше колена только при сильном кровотечении.

— Крови почти нет.

— Тогда не трогайте.

Илья снял питание и отсоединил пластину. На шине ещё

раз щёлкнуло. Искра попала в край корпуса и оставила чёрную точку.

Он прикрыл панель крышкой, но второй винт не держался в разбитой резьбе. Пришлось закрепить её проволочной стяжкой из кейса.

За мутным стеклом рабочий, которого освободили, поднял руку. Илья ответил коротким движением и вернулся к тележке.

На поручне висело новое сообщение: «Маршрут С-2 требует повторного согласования. Причина: вмешательство носителя в стороннюю инфраструктуру».

Предварительное восстановление Милы остановилось. Возле жилищного долга появилась серая отметка: «Условия сохранены до решения диспетчера».

— Ты обещала ограниченное согласие.

— Ты сам вышел за него.

— Я не передал контейнер и не нарушил пломбу.

— Ты раскрыл позицию модуля и использовал его профиль для доступа к местной шине.

— Потому что обычный аварийный приоритет ушёл к С-2.

— Я уже переназначала бригаду.

— После того как открыл панель.

— Потому что до этого диспетчер видел более высокий риск для критического пакета.

— Кто поставил такой приоритет?

Клара ответила не сразу.

— Сейчас это не поможет.

— Покажи журнал.

— У тебя нет допуска.

— Тогда прочитай сама.

Клара отключилась на несколько секунд. Илья открыл локальный журнал сервисной пластины. В нём осталась цепочка решений. Остановка двух объектов поступила одновременно. Правило приоритета С-2 включилось автоматически, но рядом стояло подтверждение оператора трудового контура. Имя было скрыто, должность — нет.

— Вижу подтверждение оператора, — сказал Илья. — Это не просто перегрузка.

— Оператор следовал протоколу.

— Он отправил помощь к контейнеру, который стоял на тормозе.

— С-2 влияет на ночные смены всего города.

— А мужчина в капсуле влияет хотя бы на свою ногу.

— Ты хочешь спорить о масштабе сейчас?

— Нет. Хочу маршрут.

Аварийная бригада прибыла с нижней ветки. Двое техников подошли к соседней капсуле, третий направился к С-2.

— Модуль цел? — спросил он.

— Цел. Проверьте людей.

— У меня назначение на груз.

— Груз на тормозе и под питанием.

Техник приложил браслет к тележке. Система подтвердила целостность пломб.

— Теперь могу снять приоритет, — сказал он и перешёл к капсуле.

Илья проводил его взглядом. Даже живому специалисту требовалось сначала отметить контейнер.

Клара вернулась в канал.

— Основной коридор закрыт до конца перегрузки. Я запрашиваю резервную ветку.

— Сколько времени?

— Новый расчёт даст система.

— Моё временное окно заканчивается через четыре минуты.

— После маршрута откроют другое.

— Если откроют.

— Если ты больше ничего не вскрыешь без команды, я смогу подтвердить доставку как управляемую.

Илья посмотрел на стяжку, которой закрепил панель.

— Ты выбрала меня, потому что я умею работать без инструкции.

— Я выбрала тебя, потому что ты умеешь доводить задачу до конца.

— Это одно и то же, когда всё ломается.

— Нет. Самостоятельность полезна, пока не разрушает управление.

— В соседней капсуле она освободила человека.

— А положение С-2 теперь доступно другим диспетчерам. Я больше не могу скрыть модуль за закрытым маршрутом.

— От кого ты его скрывала?

— От лишних переназначений. Грузовые узлы тянут приоритетные пакеты к себе, когда видят их на карте.

— Значит, теперь будут тянуть.

— Теперь будут задавать вопросы.

На поручне вспыхнула карта. Вместо основной линии появилась узкая синяя ветка. Она уходила вниз, затем возвращалась к старому кольцу через технический коридор.

«Временный маршрут: ветка Т-17. Назначение: перемещение пустых грузовых рам. Доступ носителя С-2 открыт на двенадцать минут».

— Клара, там ограничение по массе.

— Для активных тележек предел — шестьдесят пять килограммов. Пятьдесят семь приходится на раму с С-2; вместе с закреплённым ремонтным кейсом остаётся небольшой запас.

— Запас небольшой.

— Поэтому ничего больше не добавляй.

— Проходы там старые. Если решётка просела, тележку придётся тянуть вручную.

— Другого коридора нет.

Илья увеличил схему. Вход находился за боковой дверью, которая раньше была закрыта. Дальше маршрут шёл через

два слепых поворота. Связь на середине могла пропасть.

— Двенадцать минут на весь участок?

— На вход. После второго шлюза дадут продолжение.

— Если первый закроется за спиной?

— Так и будет. Ветка односторонняя.

Илья проверил батарею С-2: заряд почти не изменился, тележка оставалась исправной. После работы у панели колесо снова ныло, но фиксатор держал сустав.

— Я иду.

— Подтверди, что не покинешь ветку.

— Она шириной с тележку. Там сложно покинуть ветку.

— Подтверди.

— Подтверждаю движение по Т-17 до следующего шлюза.

Дверь слева открылась на половину высоты. За ней оказался старый коридор с ржавым бортом и низкими трубами. Пол уходил вниз, а на стене сохранилась выцветшая надпись: «Только порожние рамы».

Илья снял тележку с тормоза. Электропривод загудел сильнее, когда передние колёса вошли на старый настил.

Внутренняя сеть обновилась. Сначала пришло служебное предупреждение о раскрытии маршрута. Следом появилось сообщение, доступное всем работникам с долговым профилем.

«Программа взаимного восстановления. Задержите приоритетного курьера С-2 на двенадцать минут и получите списание части штрафов. Повреждение груза запрещено».

Илья перечитал строку, затем посмотрел в тёмный коридор. На карте уже загорались чужие рабочие браслеты возле выхода Т-17. Он толкнул тяжёлую тележку вперёд, пока односторонняя дверь закрывалась за его спиной.

Глава 7. Скидка за задержание

16:25–16:45

Борис Стерн стоял у главной карты смен и держал ладонь на краю стола. Красные отметки появлялись быстрее, чем диспетчеры успевали закрывать их. Одна насосная бригада не вышла из-за пересмотра профилей. На кислородном складе задержали допуск водителя. В северном холодильном узле смена собралась без электромеханика, потому что его семейная апелляция ушла на повторную проверку.

Карта занимала всю стену, но Стерн работал с ней почти вплотную. Издали красные точки выглядели общей аварией, а вблизи каждая раскрывалась в конкретную смену. Он открыл карточку кислородного склада. Водитель уже находился у ворот, машина была заряжена, однако семейная проверка не давала ему запустить маршрут. Диспетчер вручную перенёс допуск на другого работника, и тот теперь ехал через два сектора. Резерв склада уменьшался именно на это лишнее время.

Стерн нажал на красную точку у насосной станции. Рядом открылось имя женщины, которая третий час ждала подтверждения выхода. После дела Кира апелляции заставили контуры перепроверять семейные связи, и люди застревали у дверей с действующими рабочими браслетами.

Начальник оперативного зала Леван Рид открыл сводку. К

восемнадцать часам оставались незакрытыми двадцать семь критических мест, а ночью их число могло превысить сорок. Под риском были две насосные смены. На кислороде пока держался резерв, холодной склад просил людей с обычной линии.

Стерн запретил снимать ремонтников с водной линии и разрешил складу ждать. На карте его отметка сменила красный статус на жёлтый. Это означало лишь, что нехватку переложили на другой участок.

На соседнем экране диспетчер пытался собрать ночную бригаду для насосной станции. После каждого переноса система пересчитывала жильё и медицинские окна работников, поэтому один свободный человек не всегда мог заменить другого. С-2 нужен был не как приказ для машин. Он должен был вернуть общий порядок смен и убрать часть конфликтов между уже подтверждёнными допусками.

До утренней синхронизации оставалось пятнадцать часов тридцать пять минут. С-2 должен был вернуть связность расписанию. Без него диспетчеры продолжали бы переставлять людей вручную, создавая новые разрывы.

С-2 находился в ветке Т-17. Носитель раскрыл точку через сервисную панель, после чего основной коридор был потерян. На карте появился чёрный знак модуля, рядом двигалась белая отметка Ильи Корда. Технический проход вёл к старому грузовому кольцу, где сеть видела не все двери.

Леван открыл запись остановки. В соседней капсуле кон-

тейнер прижал рабочего. Аварийный приоритет ушёл к С-2, и оператор трудового контура подтвердил решение через девять секунд. Корд вскрыл панель, освободил человека и одновременно раскрыл положение модуля.

— Оператор действовал правильно, — сказал Стерн. — Корд тоже. Но теперь груз видят все узлы.

Он закрыл журнал и вызвал Клару Восс. Её лицо появилось на боковом экране. За спиной Клары двигались сотрудники сменного узла. Она говорила из открытого коридора и то и дело смотрела в сторону панели.

Клара доложила, что Корд вошёл в Т-17, модуль исправен, пломбы целы, а до второго шлюза осталось двенадцать минут. Она приказала ждать аварийную бригаду, но Илья открыл панель.

— Вы выбрали его за самостоятельность, — сказал Стерн.

— Я выбрала его за способность завершать задания и ремонтный допуск.

— Самостоятельность была частью расчёта.

— В расчёте не было капсулы с человеком под контейнером.

Стерн увеличил запись с камеры. Корд стоял у открытой панели, а за мутным стеклом рабочие удерживали раму. Искра попала в корпус. Через несколько секунд пострадавшего оттащили к двери.

— Он сохранил человека и раскрыл модуль, — сказал Стерн. — Теперь нам надо сохранить модуль.

— Я могу провести его по технической ветке и вернуть на закрытый маршрут.

— Уже не можете. После несогласованного вмешательства С-2 виден всем диспетчерам, имеющим право на критические грузы. Каждый из них попытается перетянуть пакет к своему узлу.

Клара запросила исключительный приоритет, но Стерн отказал. Право было потеряно, когда носитель использовал профиль С-2 на местной шине. От задания Клару пока не снимали: она лучше других знала договор Корда и должна была вести его до выхода Т-17.

— На внутренней сети появилось предложение о задержании, — сказала она.

Стерн открыл сообщение, которое ушло должникам. Текст был подготовлен оперативной группой без его подписи. Программа обещала списать часть штрафов за задержку приоритетного курьера на двенадцать минут. Повреждать груз запрещалось.

Леван проверил источник. Сообщение подготовил автоматический сценарий взаимного восстановления, который включался после раскрытия критического маршрута. Для запуска требовалось подтверждение Попечителя в течение трёх минут.

— Пока моей подписи нет, предложение не действует, — сказал Стерн.

— Его уже видят подходящие профили. Люди собираются

у выхода, — ответила Клара.

Стерн посмотрел на карту. Возле Т-17 загорелись рабочие браслеты. Несколько человек двигались туда из соседних коридоров. Пока предложение оставалось неподтверждённым, они не получали скидку и не имели права перекрывать маршрут. Но каждый видел сумму, которую мог снять со своего долга.

— Отзовите сценарий, — сказала Клара. — Я выведу Корда сама.

— Через какой коридор?

— Через старое кольцо к грузовой линии N-6.

— Там уже пять долговых профилей.

— Они уйдут, если не будет награды.

Стерн открыл расчёт возможных действий. Первым система предлагала охрану. Два экипажа могли войти в Т-17 за семнадцать минут, но в узком проходе возрастал риск повредить пломбы. При отказе Корда пришлось бы фиксировать его руки.

Второй вариант оставлял модуль у носителя. Должники задерживали его на двенадцать минут, пока диспетчеры открывали новый выход.

— Охрана повредит С-2 быстрее, чем курьеры, — сказал Стерн.

— Курьеры могут сорвать раму, — возразила Клара.

— Поэтому им запрещено касаться контейнера.

— Запрет не удержит людей, которым обещали списание.

— Удержит не всех. Нам достаточно большинства.

Клара отошла от проходящего сотрудника и понизила голос:

— Вы направляете на Корда таких же должников, как он.

— Я предлагаю им исполнить взаимное обязательство без силового контакта.

— Они перекроют ему дорогу.

— На двенадцать минут.

— У него травмировано колено.

— Это учтено. Тяжёлый вред запрещён.

Программа запрещала удары и повреждение тележки. Участники могли закрыть дверь или удержать поручень.

— Подтверждайте профессиональную группу, — сказала Клара. — Я отвечаю за приём и маршрут.

— Вы отвечаете за доставку. Если охрана повредит модуль, ответственность останется у вас.

Клара поняла быстрее, чем многие руководители.

— А если должники повредят его, это будет их личное нарушение.

— Именно.

— Вы заранее отделили приказ от последствий.

— Я отделил разрешённое действие от нарушения. Это обязанность управления.

Клара спросила:

— Если я проведу Корда без задержки, что будет с предложением?

— Оно закроется без выплаты.

— А с моим статусом?

— Это зависит от результата доставки.

— Значит, любой исход можно записать на меня.

— Вы получили полномочия выбрать носителя. Полномочия включают ответственность.

Клара помолчала.

— Я продолжу маршрут.

— Продолжайте.

Стерн закрыл канал. На кислородном узле резерв сократился ещё на семь минут. Он разрешил снять с пищевого склада одного грузчика, второго оставил на ночную разгрузку.

Перед подтверждением Стерн потребовал открыть критерии отбора. Предложение получали совершеннолетние должники с активным рабочим статусом, находившиеся рядом с маршрутом. Профили с недавним насилием исключались.

Стерн убрал из группы людей с медицинским ограничением и тех, чьи несовершеннолетние дети оставались дома одни. Для выхода хватало трёх участников. Списание ограничило недельным штрафом, основной долг не менялся. Удары и применение инструмента запретили. Разрешалось удерживать дверь или поручень. При падении Корда программа прекращалась.

Новый маршрут должен был открыться через девять ми-

нут. Ещё три требовались на проверку пломб и повторную привязку. На экране появилась строка подписи.

Стерн приложил служебную пластину. Терминал запросил голосовое подтверждение.

— Борис Стерн. Подтверждаю программу взаимного восстановления для маршрута С-2. Цель — временная задержка носителя без изъятия и повреждения груза. Предельный срок — двенадцать минут.

Система приняла подпись. Только после этого предложение стало действующим. Индекс не придумал награду и не выбрал цель. Он получил условия, подписанные Стерном, нашёл подходящих должников и отправил им сообщение.

На карте у выхода Т-17 три точки стали синими. Остальные погасли: их профили не прошли новые ограничения.

Стерн открыл карточку Корда. Тридцать шесть лет, курьер-ремонтник, старая травма колена. В профиле отмечалась скрытая аритмия. Семью держали жилищный кредит и лечение матери. Образовательное окно дочери заморозили в 14:24.

В досье сохранялся один отказ: Корд снялся с ночной шахты после потери чувствительности в ноге. На следующий день он взял два коротких вызова и вернул прежнюю доступность. В расчёте отказ прошёл не как травма, а как способность компенсировать её дополнительной работой.

Стерн задержал взгляд на фотографии Милы у учебной панели. Корд мог терпеть собственную боль, но закрытое ок-

но дочери превращало ожидание в потерю, которую он постарается исправить сразу.

Корд редко отказывался от вызовов и почти всегда закрывал ремонт. После травм менял нагрузку и продолжал, пока браслет не фиксировал явный сбой. В объяснениях повторялось: «Могу закончить сам».

Формального запрета на работу у Корда не было. После последнего осмотра ему рекомендовали ограничить шахты и подъёмы, но рекомендация не стала обязательной. Семейный пакет появился после запроса Клары: система предложила раннюю версию контракта непрерывности.

Стерн открыл договор ранней версии. Формально он не наследовал долг, но требовал сохранять трудовое участие семьи до закрытия обязательств. Детский образовательный маршрут учитывался как будущая устойчивость.

Леван заметил, что договор давно должны были убрать из активной библиотеки. Позднюю редакцию договора изменили, потому что ранний текст прямо связывал работу родителя с будущим ребёнка.

— Связь никуда не исчезла, — ответил Стерн. — Изменился язык.

Стерн открыл последнюю служебную запись. Модуль запросил семейный идентификатор Милы на первом шлюзе. Корд подтвердил его своим голосом.

На центральном приёме требовалась биометрия Корда. Дистанционная отметка браслета подтверждала бы только

присутствие устройства. Для семейной непрерывности нужно было действующее согласие работника. Подписанный договор был ограниченным, поэтому центральный шлюз запросит повторную проверку.

Леван пролистнул закрытую часть пакета. Доступа к содержимому у него не было, но название ветки отображалось: «Жизненный Цикл. Фаза 2».

Он спросил, что произойдёт, если Корд узнает название ветки. Стерн ответил, что работник подтверждает выполнение договора, а внутреннее название модели знать не обязан. Условия семейной связности он видел.

Работник соглашался на понятный результат: доставить груз, снизить долг, вернуть ребёнку окно. Внутренняя архитектура оставалась делом специалистов.

Леван закрыл пакет. Корд был нужен Центральному узлу живым и способным подтвердить согласие. Стерн велел обновить сообщение: участникам запрещалось касаться браслета и левой кисти, которой носитель прошёл первичную привязку.

После изменения Леван вернулся к карте. Три синие точки двигались к выходу технической ветки. Одна остановилась, затем снова пошла. Система раскрыла им только направление и расчётное время встречи. Точную позицию С-2 они увидят, когда окажутся в одном секторе.

Ближе всех находился Кай Нор, тридцатидевятилетний грузовой курьер. У него накопились штрафы за сорванные

окна и долг по лечению сына. Два месяца назад маршрут Кая понизили после конфликта с диспетчером. Насильственных нарушений в профиле не было.

— Подходит, — сказал Стерн.

Кай ещё не принял предложение. Сумма списания висела рядом с его долгом. Она не решала проблему, но возвращала ему доступ к двум оплачиваемым маршрутам на следующей неделе.

Стерн увеличил ставку на сумму одного штрафа.

— Это в пределах недельного лимита, — сказал он. — Нам нужен первый контакт без толпы.

Предложение обновилось. Через несколько секунд браслет Кая сменил статус. На карте появилась отметка: «Участие подтверждено».

Система открыла ему старое грузовое кольцо и показала направление Т-17. Кай развернул тележку, оставил свой текущий заказ у стены и пошёл к техническому шлюзу.

Стерн проверил, что запрет на повреждение груза остался в карточке участника. Затем закрыл досье и вернулся к незакрытым сменам. У выхода Т-17 синяя точка Кая Нора двигалась навстречу Илье Корду.

Глава 8. Первая погоня

16:45–17:15

Коридор Т-17 вывел Илью в Южную перегрузочную галерею. Передняя дверь поднялась с задержкой, пропустила тележку и опустилась за контейнером. По центру галереи двигались две грузовые платформы. Слева пустая тара уходила к сортировке, справа возвращались ремонтные рамы. Над лентами висели переходные мостики и аварийные пульта.

На поручне горел жёлтый статус С-2.

«Приоритет ограничен. Открыты старые сервисные ветки. Официальный маршрут требует повторного согласования».

Температура модуля оставалась допустимой, батарея показывала девяносто четыре процента. После потери основного коридора расчёт прибытия исчез. Вместо него шёл отсчёт до утреннего окна, будто расстояние больше не имело значения. Илье оставили срок, но забрали понятный путь.

Он остановился у защитного борта и подтянул ремень. После старого коридора стропа ослабла на одно деление. На карте впереди появились три рабочих профиля. Один стоял у выхода, два двигались по соседней платформе.

— Клара, у меня встреча.

— Вижу. Иди к шлюзу ЮГ-4.

— Он закрыт.

— Откроется через пять минут. Если тебя остановят, жди

сменного надзора.

— Надзор и должен меня задержать?

— Повреждать тебя и груз запрещено.

— Значит, поручень держать можно.

Клара не ответила.

Первым вышел Кай Нор, которого Илья знал по соседним линиям: широкоплечий, в потёртой куртке грузового курьера, с браслетом на правой руке. За ним подошли молодой мужчина в форме жилищного склада и женщина с грузовым ремнём через плечо; втроём они перекрыли проход.

Кай поднял пустые руки и стоял лицом к Илье. На поясе висел только крепёжный ремень. Двое рядом тоже пришли без оружия. От этого проход не становился свободнее: им достаточно было встать перед тележкой и дожждаться, пока отметка на браслете принесёт каждому обещанное списание.

— Остановись. Нам нужно двенадцать минут. Потом поедешь дальше.

Илья поставил тележку на тормоз.

— Покажи предложение.

Кай развернул браслет. На экране стояло: задержать приоритетного курьера С-2 без повреждения груза. Ниже была подпись трудового контура и сумма списания.

— Зачем вам троим одна задержка?

— Награду делят по участию. Мне снимут штрафы. Им вернут жилищный допуск на неделю.

Мужчина со склада отвёл взгляд. На его рукаве была све-

жая отметка переселения. Женщина держала браслет экраном внутрь, но Илья успел увидеть срок: до вечера. После него её семье назначали временную капсулу в другом секторе. Они пришли не за чужим грузом. Каждый пытался удерживать своё место.

— Я везу пакет для ночных смен, — сказал Илья.

— Они уже срываются, — ответил Кай. — Мой маршрут закрыли после отказа идти через шахту с неисправным тормозом. Штрафы оставили. Теперь мне предлагают вернуть работу, если я постою перед тобой.

— И ты согласился.

— Ты бы не согласился ради Милы?

Илья крепче сжал поручень.

— Мой семейный профиль открыт участникам?

— Только причина твоего согласия. У меня тоже открыта.

Кай показал строку о лечении сына. До пересмотра оставалось семь дней. После этого препарат снова становился платным.

— Давай без драки, — сказал он. — Поставь раму у стены и жди.

До открытия ЮГ-4 оставалось четыре минуты. Если Илья остановится, программа удержит его двенадцать. Потом придёт надзор и решит, можно ли продолжать доставку.

— Клара, требование законное?

— После вмешательства в «Горле-3» действуют правила повторного маршрута.

— В договоре их нет.

— Тогда их ещё не применяли.

— Не называй это моим согласием.

Кай шагнул ближе.

— Мне не нужна тележка. Я отмечу контакт, ты постоишь.

— А если надзор заберёт С-2?

— Это уже не моя смена.

Илья снял тормоз.

Кай взялся за поручень. Электропривод остановился, распознав препятствие. На браслете Кая появилась зелёная отметка участия.

— Отпусти, — сказал Илья.

— Через двенадцать минут.

Илья отключил привод и толкнул раму всем телом. Тележка сдвинулась на несколько сантиметров. Кай отступил, сохраняя хватку.

— Ты же хромаешь.

— Поэтому не стой перед колесом.

Женщина убрала ногу. Мужчина перекрыл путь назад пустым контейнером.

Кай отпустил поручень и коснулся аварийного пульта. Ближняя платформа замедлилась.

— Ладно, Корд. Раз хочешь бегать, побегаем.

Илья затормозил. Прямой путь к шлюзу закрывала тара. Объехать её можно было только по движущейся платформе, край которой находился ниже пола галереи.

— Клара, проход перекрыт.

— Жди надзор.

— Через сколько?

— Восемь минут.

— А ЮГ-4?

— Открытие отложено.

Кай услышал ответ.

— Всё решено. Ставь тележку.

Илья развернул раму к платформе и открыл кожух пульта. Внутри сохранился механический переключатель направления.

— Не ломай ленту, — сказала женщина. — За повреждение снимут награду.

— Я её не ломаю.

Мужчина двинулся к нему. Илья приложил сервисную пластину. Жёлтый статус С-2 открыл ремонтный уровень. Лента остановилась и пошла в обратную сторону.

Пустые контейнеры качнулись и двинулись к преследователям. Кай отскочил к перилам. Мужчина не успел убрать поперечную тару. Край платформы ударил контейнер в бок и развернул его, освобождая проход.

Илья включил привод. Передние колёса тележки стукнулись о перепад высоты и поднялись на ленту; чёрный кейс качнулся, но натянувшийся ремень удержал его.

— Впереди разрыв! — крикнул Кай.

Илья видел его. До второй платформы было меньше мет-

ра. Через несколько секунд обе ленты сходились у переходного мостика.

Он поднялся на платформу вместе с тележкой. Колёса дрожали на стыках. Лента несла раму к ряду пустых контейнеров, и Илья придерживал тормоз, чтобы не удариться в ближайший. Над головой проходили захваты сортировщика. Один опустился к таре, но распознал занятый путь и ушёл вверх.

Кай запрыгнул следом. Двое других остались у пульта, пытаясь вернуть прежнее направление.

Переходный мостик приближался. Илья нажал привод. Передние колёса перескочили на неподвижную площадку, задние ещё оставались на ленте.

Кай догнал его и схватился за задний поручень. Рама дёрнулась. Правое колесо ударилось о край мостика.

— Отпусти!

— Останови тележку!

— Нас обоих утащит.

Кай держался одной рукой. Под его подошвой двигался металлический настил. Илья мог ударить его сервисным ключом или толкнуть в зазор между платформами.

Вместо этого он потянул аварийную цепь тележки. Цепь легла поверх зубца и не заблокировала ось.

— Заклинило, — сказал Илья.

— Я вижу.

Кай подтянулся ближе и поставил ногу на мостик. Тележ-

ка тянула его назад.

Илья опустилсЯ к колесу, вставил ключ под цепь и осторожно снял её со звёздочки.

— Держи раму.

— Я должен тебя остановить.

— Сначала не дай грузу упасть.

Кай перехватил поручень двумя руками. Илья надавил на ключ. Звезда провернулась и зажала металл.

Тележка остановилась рывком. Поручень ударил Илью в левое колено. Фиксатор принял часть нагрузки, но сустав ушёл внутрь. Боль поднялась до бедра, и нога перестала держать.

Илья упал на колено. Браслет включил медицинское предупреждение. Перед глазами на секунду потемнело. Он прижал ладонь к настилу и дождался, пока вернётся опора в правой ноге. Фиксатор остался цел, но под верхним ремнём быстро росло давление.

Кай удерживал раму, пока задние колёса не сошли с лент.

— Встанешь?

— Когда уберу ключ.

Кай поставил ботинок под колесо.

— Теперь убирай.

Илья вытащил ключ, оставив на металле вмятину. Платформа за ними остановилась, а женщина и мужчина пошли по боковому переходу, закрывая путь назад.

На браслете Кая шёл отсчёт. До награды оставалось семь минут.

— Можешь просто держать меня здесь, — сказал Илья.

— Ты всё равно не уедешь с таким коленом.

— Уеду.

— Я видел, как ты упал.

Илья поднялся, переноса вес на правую ногу.

Кай показал уведомление полностью. Внизу стояла подпись: «Программа взаимного восстановления. Подтверждено Попечителем труда Б. Стерном».

— Думаешь, я сам придумал эту погоню? — спросил он.

— Вот приказ. Мне разрешили задержать тебя и пообещали вернуть доступ.

Илья сохранил снимок.

— Ты мог показать подпись раньше.

— Ты мог сразу остановиться.

— А потом объяснять Миле, что её окно снова закрыто?

— Я буду объяснять сыну, почему не вернул лекарство.

Они посмотрели друг на друга через тележку. Кай не хотел разбить С-2 или покалечить Илью. Ему нужны были две снятые отметки. Илье требовалось довести груз. Между ними стоял один поручень и две семейные карточки.

Женщина подошла к переходу.

— Кай, осталось семь минут. Держим его здесь.

— Он травмирован.

— Мы его не трогали.

Илья открыл аварийную схему. За мостиком находился боковой сервисный шлюз. Официальный маршрут туда не вёл, но дверь была связана с пультом разгрузки.

Над второй лентой стояла пустая тара. Один контейнер держался автоматическим стопором.

— Кай, отойди.

— Не поедешь.

— Тогда держись за перила.

Илья нажал аварийный сброс, стопор поднялся, и пустой контейнер съехал на ленту между преследователями.

Женщина отскочила, мужчина прижался к борту, а контейнер развернуло поперёк платформы, перекрыв проход.

Илья снял тележку с тормоза. Заклиненная цепь всё ещё не давала правому колесу двигаться.

— Подними задний край, — сказал он Каю.

— Чтобы ты ушёл?

— Чтобы нас не прижало следующей тарой.

Следующий контейнер уже двигался к ним. Кай выругался, взялся за раму и приподнял её. Илья выбил цепь обратной стороной ключа. Звезда освободилась.

Тележка покатилась к боковому шлюзу. Кай отпустил её, но пошёл следом.

— Я всё ещё должен тебя задержать.

— Тогда догоняй.

Илья включил привод. Мотор потянул груз, а он шёл рядом, почти не сгибая левую ногу. Каждый шаг отдавался в

сустав.

Шлюз не открылся. На панели стояло: «Проход только для возвратной тары».

— Клара, открой сервисную дверь.

— Ты изменил направление платформы. Манёвр признан опасным.

— За мной трое с наградой.

— Остановись и дождись надзора.

— Открой дверь.

— Не могу. Статус С-2 понижен.

На поручне отметка приоритетного курьера стала жёлтой. Основная карта исчезла. Остались только старые сервисные ветки. Семейный пакет обновился следом: восстановление окна Милы остановили на тридцати одном проценте. Возле строки появился текст о проверке опасного манёвра. Ни падение, ни погоня в формулировку не попали.

Кай приближался.

— Корд, дальше тупик.

Илья посмотрел на транспортные метки пустых контейнеров. Центральная дверь принимала возвратную тару без биометрии курьера.

Он достал из ремонтного кейса запасную метку для списанных деталей и приложил её к раме. Сервисный пульт предложил выбрать тип груза. Илья указал: «возвратная рама с защищённым контейнером».

— Это не тара, — сказал Кай.

— Для двери теперь тара.

Шлюз запросил массу. Илья ввёл пятьдесят семь килограммов. Створка поднялась наполовину.

Он наклонил поручень и повёл С-2 под дверь. Верхний угол корпуса прошёл с небольшим запасом. Кай успел схватиться за задний край.

— Отпусти.

— Мне некуда возвращаться без списания.

— Мне тоже.

За Каем пустая тара начала разворачиваться. Её край шёл прямо к его ногам. Илья мог потянуть раму и оставить курьера между створкой и контейнером.

Вместо этого он нажал внутренний стопор. Дверь задержалась. Кай проскочил внутрь и упал на ладони. Тара прошла снаружи, задев его ботинок.

Илья нажал закрытие. Шлюз опустился между ними и двумя другими участниками.

Они оказались в узком сервисном коридоре. Здесь не было платформ, только старая направляющая и жёлтые лампы под потолком.

— Теперь я могу сесть на раму, — сказал Кай.

— Можешь. Тогда нас догонит надзор.

— Он и так догонит.

Илья опёрся на стену. Колено быстро наливалось болью. Браслет требовал пройти осмотр.

— Ты получил подтверждение контакта?

— Да.

— А система учла, что ты помог вытащить тележку?

Кай открыл журнал. Его помощь была записана как попытка удержания груза. Награда оставалась активной.

— Учла в мою пользу.

— Значит, нам обоим платят за одно движение.

За дверью женщина ударила по панели.

— Кай, открой. Осталось четыре минуты.

Он посмотрел на створку, потом на Илью.

— Если открою, ты уже не уйдёшь.

— Если не откроешь, потеряешь списание.

— Я ещё ничего не решил.

— А я не прошу помочь.

Кай провёл пальцем по экрану, но дверь не открыл.

Пришло предупреждение: центральный диспетчер отменил метку возвратной тары. Через девяносто секунд шлюз откроется принудительно.

Илья снял тележку с тормоза.

— Впереди есть выход?

— Старый ход к нижней галерее, — ответил Кай. — Я возил здесь тару до закрытия маршрута.

На карте Ильи одна жёлтая линия уходила вправо и обрывалась через сто метров.

— Проводить не обязан.

— Я и не собирался.

Кай отошёл от рамы. Награда продолжала отсчитывать по-

следние минуты, но путь он не перекрыл. На его экране сумма списания уменьшалась вместе с оставшимся временем. Он видел это и всё же стоял у стены.

Илья толкнул тележку по старой направляющей. После удара колено почти не сгибалось. Чёрный кейс держался на ремне, который он сам подтянул в К-4.

У первого поворота на стене была нарисована белая стрелка. Под ней простым маркером стояла подпись: «Рэй».

Ниже шла фраза: «Центральная дверь считает вас грузом».

Илья повернул тележку по стрелке, пока за спиной начал открываться принудительный шлюз.

Глава 9. Старое ребро

17:15–17:40

Белая стрелка вела к узкому повороту, за которым сервисный коридор уходил вниз. Илья толкал тележку, почти не сгибая левую ногу. Фиксатор держал сустав, но после удара на платформе каждый шаг отдавался в бедро.

За спиной поднимался принудительный шлюз. Металл скрёб по направляющим, и в проёме показался Кай.

— Корд, стой. Там старая ветка.

— Поэтому и иду.

— Она закрыта лет восемь.

— Стрелка свежая.

Кай посмотрел на подпись Рэя и шагнул в коридор. Женщина и работник склада остались за шлюзом. Их браслеты требовали продолжить задержание, но узкая ветка не давала пройти втроём рядом с тележкой.

Илья не стал ждать. Через десять метров коридор упёрся в затвор из двух металлических створок. Электронная панель не работала. На стене рядом был нарисован квадрат с крестом и подпись: «Датчик сверху. Прижать рукой».

Он поставил раму на тормоз. Связь с К-4 появилась на секунду.

— Клара, слышишь?

— ...вернись к официальному...

Канал закрылся.

Илья встал на правую ногу и дотянулся до корпуса датчика над створкой. Пластиковая крышка болталась на одном винте. Он прижал её ладонью. Внутри щёлкнуло реле, но затвор не открылся.

— Ему ещё питание нужно, — сказал Кай.

— Вижу.

Под панелью была выведена пара старых контактов. Илья подключил сервисную пластину. Индикатор показал слабое напряжение, которого хватало только на замок.

— Держи крышку.

Кай прижал датчик плечом. Илья подал короткий импульс. Замок отпустил левую створку. Она отошла на ладонь и застряла.

— Дальше вручную, — сказал Илья.

Они потянули створку. Она двигалась тяжело, оставляя на полу ржавую полосу.

Проём оказался уже транспортной рамы.

— Не пройдёт, — сказал Кай.

Илья снял боковой защитный борт тележки и сложил поручень внутрь. Ширина уменьшилась на несколько сантиметров.

— Теперь пройдёт.

Он провёл передние колёса в проём. Чёрный контейнер задел резиновую накладку, но пломбы остались целы. Кай держал створку, пока рама не оказалась внутри.

Как только он шагнул следом, затвор дёрнулся. Старая пружина вытолкнула створку обратно. Нижний ролик сошёл с направляющей, и металл встал поперёк прохода.

Кай остался с другой стороны.

— Не трогай, — сказал Илья. — Закусило нижний ролик.

— Я вижу.

Кай попробовал поднять створку, но она не двинулась.

За ним в коридоре появились две другие фигуры. Женщина первой дошла до затвора и приложила браслет к панели с размаху. Экран не включился.

— Кай, открой!

— Здесь ручной привод сломан.

— Награда ещё действует.

Кай посмотрел на Илью через щель.

— Езжай. На следующем уровне уже приняли предложение.

— Откуда знаешь?

Он показал браслет. На экране была карта награды. Три новых профиля двигались к нижнему выходу R-11.

— Они видят направление, пока у тебя жёлтый статус.

— А ты?

— Моё участие записано. Списания всё равно не будет, если тебя не удержат двенадцать минут.

— Сколько им предложили?

— Сумм не вижу. Двое рискуют жильём, у третьего медицинский долг.

— Тогда они не уйдут.

— Я бы тоже не ушёл.

— Ты уже отошёл.

— Не путай предупреждение с помощью.

— Кай, открой! — повторила женщина.

Он наклонился к щели.

— Внизу старый рельсовый ход. Большая рама туда не влезет. Ищи малую тележку.

— Ты откуда знаешь ветку?

— До понижения возил здесь пустую тару.

— Почему сразу не сказал?

— Потому что тогда я тебя задерживал.

Илья снял тормоз.

— Дверь можно поднять домкратом со стороны галереи.

— Знаю.

— Значит, выберешься.

— Если они дадут время.

Илья толкнул тележку дальше. Кай остался за перекошенной створкой вместе с людьми, которые пришли за тем же списанием. Кай не стал союзником, но его предупреждение дало Илье несколько минут.

Коридор уходил под старые уровни. Свет включался участками и гас за тележкой. Сеть появлялась только возле распределительных коробок.

С-2 перешёл на внутреннюю батарею. За первые две минуты заряд снизился на три процента.

Линия в стене давала напряжение рывками. Модуль переключался между источниками и тратил заряд на проверку целостности.

— Не дёргай питание, — сказал Илья, хотя рядом никого не было.

Он отключил внешний кабель и оставил С-2 на автономном питании. Частые переключения быстрее изнашивали батарею. Расчёт показал чуть больше трёх часов работы.

До утра этого не хватало.

Официальных обозначений почти не осталось. Белая стрелка «Ребро» вела вперёд. Другая указывала к «Горлу». На закрытой двери стояло: «Пустой желудок — ниже, после второй воды».

Названия работали лучше погасшей карты. «Ребро» шло вдоль несущей балки, «Горло» выводило к узкому шлюзу, а «Пустой желудок» лежал ниже старых пищевых складов.

Рядом с бытовыми названиями были свежие пометки повреждений. Возле трещины на полу нарисовали красный угол. У следующего затвора мелом отметили дату и написали: «Замок берёт со второго импульса».

Илья проверил дату. Запись сделали три дня назад.

Веткой пользовались люди, знавшие, где прижать датчик и сколько раз подать питание. Сеть видела включения, но не собирала из них маршрут.

У второго затвора Илья сделал всё по надписи. Первый импульс включил панель, но замок не снялся. После второго

створка отошла.

За ней находился рельсовый участок. Две узкие колеи уходили вниз. На них стояла маленькая ремонтная тележка с плоской площадкой и ручным тормозом. Её борт был рассчитан на ящики с инструментом, а не на С-2.

Илья остановил транспортную раму рядом. Перенести весь контейнер вручную он не мог. Даже после снятия внешней батареи модуль оставался слишком тяжёлым для большого колена.

На стене висела схема старой тележки. Привод работал от отдельного аккумулятора, который вставлялся под площадку. Штатный блок отсутствовал.

Илья осмотрел рельсы. За первым поворотом путь шёл под уклон. Толкнуть тележку можно было, но остановить пятьдесят семь килограммов на старом тормозе — уже нет.

На браслете на секунду появилась связь.

— Илья, подтвердите положение, — сказал незнакомый диспетчер.

Он не ответил. Канал исчез раньше, чем запрос повторился.

Илья мог дожждаться открытия затвора и сдать С-2 надзору. После погони такая защита означала вернуться к людям, которым платили за его остановку.

Он открыл договор. Семейный пакет оставался условным. Окно Милы застыло на тридцати одном проценте. Медицинский пересмотр Тамары не продвинулся.

Илья снял с большой рамы ремонтный кейс и открыл отсек запасного питания. Там лежал аккумулятор для инструмента. Его напряжение подходило старому приводу, но разъем отличался.

Под крышкой рельсовой тележки нашёлся медный контактный блок. Илья достал переходник, который Клара внесла в приложение к договору. Новый штекер вошёл в его гнездо, старый медный конец подошёл к приводу.

— Значит, не зря взял.

Он подключил аккумулятор. Индикатор тележки мигнул и показал половину шкалы.

Площадка была короче транспортной рамы. С-2 помещался только поперёк, при этом один край выступал над колесом. Штатные скобы не совпадали с проушинами контейнера.

Илья снял с большой рамы основной ремень. Перед выходом из К-4 он подтягивал его, а на движущихся платформах ремень удержал кейс. Одного ремня для новой тележки было мало.

В ремонтном кейсе оставалась короткая стропа. Илья пропустил её через нижнюю проушину С-2 и металлическую раму тележки. Основной ремень лёг крестом поверх корпуса.

Сначала он переставил на старую площадку внешнюю батарею. Колено отозвалось болью, и Илья на несколько секунд сел на край рельса.

Браслет требовал осмотра и предлагал прекратить достав-

ку по медицинской причине. Рядом появилось предупреждение: прекращение до центральной передачи отправит семейный пакет на ручной пересмотр.

— Поздно заботиться, — сказал Илья и закрыл сообщение.

Он снял поперечный фиксатор и подкатил малую тележку вплотную.

Илья использовал сервисный ключ как рычаг. С-2 сдвинулся на площадку, и тележка качнулась на рельсах.

Он успел прижать корпус плечом. Колено подвернулось, но не сложилось. Фиксатор удержал сустав.

Он вернул батарею, подключил питание и затянул ремни. Белая пломба с кругом и пустым прямоугольником осталась цела.

Экран С-2 вывел предупреждение:

«Транспортная рама не распознана. Продолжить вне штатного крепления?»

— Другого нет.

Модуль запросил биометрию. Илья приложил ладонь. Жёлтый статус стал красным на несколько секунд, затем вернулся.

«Временное крепление принято носителем. Ответственность за устойчивость подтверждена».

Он проверил каждый узел руками. Контейнер не двигался. Ремень натянулся, короткая стропа удерживала нижний край.

Большую раму он оставил у стены, сняв с неё шплинт и башмаки. На корпусе написал время переноса и номер С-2.

Малая тележка тронулась после второго нажатия. Привод закрипел, колёса медленно пошли по рельсам. Фара под ручнем осветила ржавую колею и стрелку «Ребро».

Илья встал сзади, удерживая ручной тормоз. На первом уклоне тележка начала разгоняться быстрее привода. Он прижал рычаг. Колодки зацепили левое колесо, правое продолжило тянуть.

Тележку повело к стене. Илья отпустил тормоз, выровнял её и снова прижал рычаг короткими движениями. Так она прошла первый поворот.

Сеть пропала полностью. На браслете осталось время, заряд С-2 и медицинская отметка. К-4 больше не принимал его сообщения.

У развилки белая стрелка шла по рельсу, красная указывала в боковой тоннель: «После воды не брать. Пол ушёл».

Илья посветил туда. Через два метра настил просел под целой с виду решёткой.

Он пошёл по белой стрелке.

Рельс вывел к круглой двери. Датчик находился не сверху, а в полу. Рядом лежала короткая металлическая пластина с ручкой. Илья поставил её на отмеченное место. Вес замкнул контакт, и панель ожила.

«Груз не зарегистрирован».

Илья приложил браслет. Связь появилась на две секунды.

Дверь увидела С-2 и запросила официальный маршрут.

Официального маршрута не было.

На стене возле панели мелом написали: «Сначала груз, потом человек».

Илья откатил тележку назад, оставил металлическую пластину на датчике и подал С-2 вперёд без себя. Панель считала массу, распознала защищённый контейнер и открыла дверь на ширину тележки.

Он шагнул следом до закрытия створки.

За дверью свет не включился. Фара выхватила рельсы. Заряд С-2 снизился до восьмидесяти четырёх процентов.

Илья вызвал Клару ещё раз. Браслет не нашёл сеть. Он записал сообщение в очередь:

— Я на R-11. Большая рама оставлена перед рельсовой веткой. С-2 закреплён на малой тележке, пломбы целы. Возвращаться в галерею не буду. Официальный путь выставил на меня должников.

Запись сохранилась локально.

Впереди лязгнул металл. Илья остановил привод и погасил фару. Удар повторился дальше по тоннелю и затих.

Он включил свет и продолжил.

На следующей стене Рэй написал: «Живой проход — слева». Правая ветка выглядела лучше, но над рельсом висел повреждённый кабель.

Илья выбрал левую.

Связь появилась сразу после поворота. Браслет принял

сообщения одним пакетом. Клара требовала остановиться и ждать сопровождения. Сменный надзор сообщал, что возврат к официальному маршруту сохранит право на разбор семейного пакета. Ещё одно уведомление предупреждало о трёх участниках программы задержания на нижнем уровне.

Илья открыл канал Клары.

— Я на R-11.

— Ты понимаешь, что я почти не вижу тебя на карте?

— Теперь понимаю, почему Рэй рисовал на стенах.

— Вернись к последнему шлюзу. Мы открыли защитный коридор.

— Там люди со списанием.

— Программа ограничена. Они не имеют права причинять вред.

— Кай тоже не имел. Мы оба чуть не ушли под платформу.

— Сейчас надзор уже на месте.

— Надзор пришёл после погони.

— Илья, дальше маршрут не проверен. C-2 расходует батарею быстрее расчёта.

— Я вижу.

— На старых уровнях нет стабильного питания. Верни модуль под защиту.

— Под чью?

Клара замолчала.

— Под защиту сменного узла.

— Трудовой контур подписал награду за мою задержку.

— Это решение центрального управления. Я его не запрашивала.

— Но вернуть меня хочешь туда же.

— Я хочу довести С-2 до узла. Без него ночью сорвутся смены.

— Я тоже хочу довести.

— Тогда выполняй команды.

Илья посмотрел на ручную стрелку.

— Команды уже закрыли основной коридор, отправили помощь к грузу вместо людей и дали мой маршрут должникам.

— А эта карта принадлежит человеку, которого ты не знаешь.

— Зато она пока открывает двери.

Связь снова пропала. Последняя фраза Клары оборвалась.

Илья толкнул тележку к следующему затвору. Ручной датчик сработал после физической проверки. За дверью рельс уходил вниз к старым ремонтным уровням.

Экран С-2 мигнул. Появилась служебная строка, которой раньше не было:

«Локальное маршрутное обновление принято».

Источник не определился. На схеме возникла новая линия, совпавшая с белыми стрелками на стенах. Центральная дверь была зачёркнута.

Следом появилось сообщение:

«Не идите к центральной двери. Там ждут не груз».

Илья снял тележку с тормоза и направил её по обновлённой линии.

Глава 10. Чужая работа

17:40–18:15

Рельсовая тележка вышла из тёмного тоннеля к старому подъёмному стволу. Илья сразу нажал тормоз. Впереди путь пересекала рабочая капсула, остановившаяся между нижней площадкой и подъёмным шлюзом. Её передняя часть висела над стволом, задняя оставалась на рельсе.

За мутным стеклом находились люди. Один держал аварийную лампу, другой пытался открыть боковую дверь ручным рычагом. В грузовом отсеке стояли белые кассеты с кислородом.

Илья проверил маршрут С-2. Локальное обновление предлагало обход по правой ветке. До следующего узла было двадцать минут. Если он займётся капсулой, система перестанет рассчитывать время прибытия.

Батарея модуля показывала восемьдесят два процента. Старая тележка держала половину заряда. Запас позволял пройти дальше, если не тратить питание на ремонт чужого подъёмника.

Илья приблизился к капсуле. На боковой панели горела красная отметка тормоза. Связь с диспетчером не работала.

Мужчина заметил знак С-2 и застучал ладонью по стеклу. Илья включил местный канал.

Илья спросил, слышат ли его. Старший ответил сразу и

попросил открыть дверь снаружи. В капсуле было шесть человек; один повредил руку, остальные могли идти. Они везли кислородные кассеты в районную клинику.

Верхний тормоз не отпускал кабину. Питание приходило, привод тянул, а правая колодка оставалась на диске. Капсулу удерживал нижний захват, но блокировка не позволяла открыть дверь в таком положении.

Илья поставил тележку С-2 на два башмака и проверил ремни. Чёрный кейс стоял поперёк маленькой площадки, закреплённый основной стропой и короткой петлёй через нижнюю проушину.

— Если открою дверь, кассеты останутся в стволе.

— Клинике нужен кислород, а не мы.

Рабочий повернул лампу к кассетам. На белых корпусах виднелись метки ночной синхронизации. Такой же номер серии стоял в транспортном разделе С-2.

На транспортной карточке кислородных кассет стоял тот же код допуска, что и в паспорте С-2. Разница была только в последней цифре: модуль готовил смены, а кассеты должны были дойти до клиники раньше их начала. Без одного другое теряло смысл. Илья сохранил оба номера в журнале.

Рабочие вышли с нижнего кислородного склада. У ворот капсулу держали сорок минут, а затем аварийные вызовы перевели на приоритетные грузы. Мужчина с лампой посмотрел на чёрный контейнер и сказал, что речь идёт о таких грузах, как С-2.

— Этот модуль должен восстановить расписание.

— Наше уже восстановили. Теперь мы стоим в шахте.

Другой рабочий попросил не спорить и просто открыть дверь. Штатную бригаду направили к стволу, затем вызов сняли. Илья ответил, что сперва проверит тормоз.

Илья открыл локальный журнал капсулы. Вызов приняли в 17:28. Через две минуты приоритет ремонта изменили. Бригаду направили к маршруту С-2, когда модуль вошёл в старые уровни. После потери связи назначение зависло без исполнителя.

На экране появилась строка: «Ожидание допустимо до восстановления критического груза».

Илья сохранил журнал. С-2 снова стоял выше людей, хотя теперь их кислород был частью той же ночной работы.

Связь с Кларой появилась рывком.

— Илья, вы остановились?

Он сообщил о шести рабочих и кислороде для клиники. Клара потребовала использовать правый обход. Вызов капсулы оставался в журнале, а ремонтную бригаду должны были назначить после восстановления сети.

— Их прежний вызов сняли из-за С-2.

— Вы не отвечаете за чужие назначения. Бонус Милы зависит от продолжения маршрута.

Илья посмотрел на шкалу батареи. Если уйти сейчас, обход действительно давал двадцать минут. Если разбирать тормоз, малой тележке могло не хватить питания до следу-

ющего узла.

Клара проверила запас клиники. Ограниченная подача начиналась через сорок три минуты. По её расчёту, капсула ещё успевала, если штатная бригада придёт вовремя. Срок назначения она назвать не смогла.

— Это не время, — сказал Илья.

— Ваша задача — доставить С-2. Он нужен этой же клинике после синхронизации.

— После синхронизации. Кислород им нужен сейчас.

Клара запретила открывать тормозной блок. Новое вмешательство могло закрыть семейный пакет, а попытка снять дверную блокировку при такой нагрузке грозила сорвать нижний захват.

Илья отключил канал и подошёл к внешнему шкафу подъёмника. Крышка держалась на четырёх болтах. Два открутились легко, третий пришлось срывать ключом. Под крышкой находился старый тормозной узел с двумя колодками и приводной пластиной.

Левая колодка отошла. Правая оставалась прижатой к диску. Катушка привода была цела, но пластина не доходила до упора. Её край выгнуло после перегрева.

— У вас запасная пластина есть? — спросил Илья.

— В капсуле только дверной комплект, — ответил рабочий.

— Снаружи ящик проверяли?

— Он пустой с прошлой смены.

Илья открыл ящик. Там лежали два винта и старая ве-
тошь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.